

Егор Булычов и другие. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://gorkiymaxim.ru/> Приятного чтения!

Егор Булычов и другие. Максим Горький

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Е г о р Б у л ы ч о в .

К с е н и я – его жена.

В а р в а р а – дочь от Ксении.

А л е к с а н д р а – побочная дочь.

М е л а н и я – игуменья, сестра жены.

З в о н ц о в – муж Варвары.

Т я т и н – его двоюродный брат.

М о к е й Б а ш к и н .

В а с и л и й Д о с т и г а е в .

Е л и з а в е т а – жена его.

А н т о н и н а |

А л е к с е й | – дети от первой жены

П а в л и н – поп.

Д о к т о р .

Т р у б а ч .

З о б у н о в а – знахарка.

П р о п о т е й – блаженный.

Г л а ф и р а – горничная.

Т а и с ь я – служанка Мелании.

М о к р о у с о в – полицейский.

Я к о в Л а п т е в – крестник Булычова.

Д о н а т – лесник.

ПЕРВЫЙ АКТ

Столовая в богатом купеческом доме. Тяжёлая громоздкая мебель. Широкий кожаный диван, рядом с ним – лестница во второй этаж. В правом углу фонарь (полукруглый, треугольный или многогранный остеклённый выступ в стене здания на высоту одного, двух и более этажей – Ред.), выход в сад. Яркий зимний день. К с е н и я , сидя у стола, моет чайную посуду. Г л а ф и р а , в фонаре, возится с цветами. Входит А л е к с а н д р а , в халате, в туфлях на босую ногу, непричёсанная, волосы рыжие, как и у Егора Булычова.

К с е н и я . Ох, Шурка, спишь ты...

Ш у р а . Не шипите, не поможет. Глаша – кофе! А где газета?

Г л а ф и р а . Варваре Егоровне наверх подала.

Ш у р а . Принеси. На весь дом одну газету выписывают, черти!

К с е н и я. Это кто – черти?

Ш у р а. Папа дома?

К с е н и я. К раненым поехал. Черти-то – Звонцовы?

Ш у р а. Да, они. (У телефона.) Семнадцать – шестьдесят три.

К с е н и я. Вот я скажу Звонцовым-то, как ты их честишь!

Ш у р а. Позовите Тоню!

К с е н и я. До чего ты дойдёшь?

Ш у р а. Это ты, Антонина? На лыжах едем? Нет? Почему? Спектакль? Откажись! Эх ты, – незаконная вдова!.. Ну, хорошо.

К с е н и я. Как же это ты девушку-то вдовой зовёшь?

Ш у р а. Жених у неё помер или нет?

К с е н и я. Всё-таки она – девушка.

Ш у р а. А вы почему знаете?

К с е н и я. Фу, бесстыдница!

Г л а ф и р а (подаёт кофе). Газету Варвара Егоровна сама принесёт.

К с е н и я. Больно много ты знаешь для твоих лет. Гляди: меньше знаешь – крепче спишь. Я в твои годы ничего не знала...

Ш у р а. Вы и теперь...

К с е н и я. Тьфу тебе!

Ш у р а. Вот сестрица шествует важно. Бонжур, мадам! Комман са ва? (Как дела (франц.) – Ред.)

В а р в а р а. Уже одиннадцать, а ты не одета, не причёсана...

Ш у р а. Начинается.

В а р в а р а. Ты всё более нахально пользуешься тем, что отец балует тебя... и что он нездоров...

Ш у р а. Это ты – надолго?

К с е н и я. А что ей отцово здоровье?

В а р в а р а. Я должна буду рассказать ему о твоём поведении...

Ш у р а. Заранее благодарна. Кончилось?

В а р в а р а. Ты – дура!

Ш у р а. Не верю! Это не я – дура.

В а р в а р а. Рыжая дура!

Ш у р а. Варвара Егоровна, вы совершенно бесполезно тратите энергию.

К с е н и я. Вот и учи её!

Ш у р а. И у вас портится характер.

В а р в а р а. Хорошо... хорошо, милая! Мамаша, пойдёмте-ка в кухню, там повар

Егор Булычов и другие. Максим Горький gorkiurmaxim.ru
капризничает...

К с е н и я. Он – не в себе, у него сына убили.

В а р в а р а. Ну, это не резон для капризов. Теперь столько убивают...

(Ушли.)

Ш у р а. А если бы у неё красавца Андрюшу ухлопали, вот бы взвилась!

Г л а ф и р а. Зря вы дразните их. Пейте скорее, мне здесь убирать надо. (Ушла, унося самовар.)

(Шура сидит, откинувшись на спинку стула, закрыв глаза, руки – на затылке рыжей, лохматой головы.)

З в о н ц о в (с лестницы, в туфлях, подкрался к ней, обнял сзади). О чём замечталась, рыжая коза?

Ш у р а (не открывая глаз, не шевелясь). Не трогайте меня.

З в о н ц о в. Почему? Ведь тебе приятно? Скажи – да? Приятно?

Ш у р а. Нет.

З в о н ц о в. Почему?

Ш у р а. Оставьте. Вы – притворяетесь. Я вам не нравлюсь.

З в о н ц о в. А хочешь нравиться, да?

(На лестнице – Варвара.)

Ш у р а. Если Варвара узнает...

З в о н ц о в. Тише... (Отошёл, говорит поучительно.) Н-да... Следует взять себя в руки. Надобно учиться...

В а р в а р а. Она предпочитает говорить дерзости и пускать мыльные пузыри с АНТОНИНОЙ...

Ш у р а. Ну и пускаю. Люблю пускать пузыри. Что тебе – мыла жалко?

В а р в а р а. Мне жалко – тебя. Я не знаю – как ты будешь жить? Из гимназии тебя попросили удалиться...

Ш у р а. Неправда.

В а р в а р а. Твоя подруга – полоумная.

З в о н ц о в. Она хочет музыке учиться.

В а р в а р а. Кто?

З в о н ц о в. Шура.

Ш у р а. Неправда. Я не хочу учиться музыке.

В а р в а р а. Откуда же ты это взял?

З в о н ц о в. Разве ты, Шура, не говорила, что хочешь?

Ш у р а (уходя). Никогда не говорила.

З в о н ц о в. Гм... Странно. Не сам же я выдумал это! Ты, Варя, очень сердито с ней...

В а р в а р а. А ты слишком ласков.

Егор Булычов и другие. Максим Горький gorkiуmaxim.ru

З в о н ц о в. Что значит – слишком? Ты же знаешь мой план...

В а р в а р а. План – это план, но мне кажется, что ты подозрительно ласков.

З в о н ц о в. Глупости у тебя в голове...

В а р в а р а. Да? Глупости?

З в о н ц о в. Сообрази сама: уместны ли в такое серьезнейшее время сцены ревности?

В а р в а р а. Ты зачем сюда спустился?

З в о н ц о в. Я? Тут... объявление одно в газете. И лесник приехал, говорит: мужики медведя обложили.

В а р в а р а. Донат – в кухне. Объявление – о чём?

З в о н ц о в. Это, наконец, возмутительно! Как ты говоришь со мной? Что я – мальчишка? Чёрт знает...

В а р в а р а. Не кипятись! Кажется – отец приехал. А ты в таком виде.

(Звонцов поспешно идёт вверх, Варвара – встречать отца. Шура в зелёной тёплой кофте и в зелёном колпаке бежит к телефону, её перехватил и молча прижал к себе Булычов, за ним идёт поп Павлин, в лиловой рясе.)

Б у л ы ч о в (сел к столу, обняв Шуру за талию, она гладит его медные, с проседью, волосы). Народа перепортили столько, что страшно глядеть...

П а в л и н. Цветёте, Шурочка? Простите, не поздоровался...

Ш у р а. Это я должна была сделать, отец Павлин, но папа схватил меня, как медведь...

Б у л ы ч о в. Стой! Шурка, смирно! Куда теперь этот народ? А бесполезных людей у нас и до войны многовато было. Зря влезли в эту войну...

П а в л и н (вздыхнув). Соображения высшей власти...

Б у л ы ч о в. С японцами тоже плохо сообразили, и получился всемирный стыд...

П а в л и н. Однако войны не токмо разоряют, но и обогащают как опытом, так равно и...

Б у л ы ч о в. Одни – воюют, другие – воруют.

П а в л и н. К тому же ничто в мире не совершается помимо воли божией, и – что значит ропот наш?

Б у л ы ч о в. Ты, Павлин Савельев, брось проповеди... Шурок, ты на лыжах бежать собралась?

Ш у р а. Да, Антонину жду.

Б у л ы ч о в. Ну... ладно! Не уйдёшь, так я тебя – минут через пяток – позову.

(Шура убежала.)

П а в л и н. Выровнялась как отроковица...

Б у л ы ч о в. Телом – хороша, ловкая, а лицом – не удалась. Мать у неё некрасива была. Умная, как чёрт, а некрасива.

П а в л и н. Лицо у Александры Егоровны... своеобразное... и... не лишено привлекательности. Родительница – откуда родом?

Егор Булычов и другие. Максим Горький gorikiu@mail.ru

Б у л ы ч о в. Сибирячка. Ты говоришь – высшая власть... от бога... и всё такое, ну а дума то – как? Откуда?

П а в л и н. Дума, это... так сказать – допущение самой власти к умалению её. Многие полагают, что даже – роковая ошибка, но священно-церковно-служителю не подобает входить в рассуждение о сих материях. К тому же в наши дни на духовенство возложена обязанность воспламенять дух бодрости... и углублять любовь к престолу, к отечеству...

Б у л ы ч о в. Воспламенили дух да в лужу и – бух...

П а в л и н. Как известно вам – убедил я старосту храма моего расширить хор певчих, а также беседовал с генералом Бетлингом о пожертвовании на колокол новостроящегося храма во имя небесного предстателя вашего, Егория...

Б у л ы ч о в. Не дал на колокол?

П а в л и н. Отказал и даже неприятно пошутил: "Медь говорит, даже в полковых оркестрах – не люблю!" Вот вам бы на колокол-то хорошо пожертвовать по причине вашего недомогания?

Б у л ы ч о в (вставая). Колокольным звоном болезни не лечат.

П а в л и н. Как знать? Науке причины болезней неведомы. В некоторых санаториях иностранных музыкой лечат, слышал я. Тоже и у нас существует пожарный, он игрой на трубе пользует...

Б у л ы ч о в (усмехаясь). На какой трубе?

П а в л и н. На медной. Говорят, весьма большая труба!

Б у л ы ч о в. Ну, если – большая... Вылечивает?

П а в л и н. Будто бы успешно! Всё может быть, высокопочтеннейший Егор Васильевич! Всё может быть. В тайнах живём, во мраке многочисленных и неразрешимых тайн. Кажется нам, что – светло и свет сей исходит от разума нашего, а ведь светло-то лишь для телесного зрения, дух же, может быть, разумом только затемняется и даже – угашается.

Б у л ы ч о в (вздыхая). Эко слов-то у тебя сколько...

П а в л и н (всё более воодушевлённо). Возьмите, примерно, блаженного Прокопия, в какой радости живёт сей муж, дурачком именуемый невегласами...

Б у л ы ч о в. Ну, ты опять, тово... проповедуешь! Прощай-ко. Устал я.

П а в л и н. Сердечно желаю доброго здоровья. Молитвенник ваш... (Уходит.)

Б у л ы ч о в (щупая правый бок, подошёл к дивану, ворчит). Боров. Нажрался тела-крови Христовой... Глафира!.. Эй...

В а р в а р а. Вы что?

Б у л ы ч о в. Ничего. Глафиру звал. Эк ты вырядилась! Куда это?

В а р в а р а. На спектакль для выздоравливающих...

Б у л ы ч о в. И стёклышки на носу? Врёшь, что глаза требуют, для моды носишь...

В а р в а р а. Папаша, вы бы поговорили с Александрой, она ведёт себя отчаянно, становится совершенно невыносимой.

Б у л ы ч о в. Все вы – хороши! Иди! (Бормочет.) Невыносимы. Вот я... выздоровлю, я вас... вынесу!

Г л а ф и р а. Звали?

Б у л ы ч о в. Звал. Эх, Глаха, до чего ты хороша! Здоровая! Калёная! А Варвара

Егор Булычов и другие. Максим Горький gorkiymaxim.ru
у меня – выдра!

Г л а ф и р а (заглядывая на лестницу). Её счастье. Будь она красивой, вы бы и её на постелю себе втащили.

Б у л ы ч о в. Дочь-то? Опомнись, дура! Что говоришь?

Г л а ф и р а. Я знаю – что! Шуру-то тискаете, как чужую... как солдат!

Б у л ы ч о в (изумлён). Да ты, Глафира, рехнулась! Ты что: к дочери ревнуешь? Ты о Шурке не смей эдак думать. Как солдат... Как чужую! А ты бывала у солдат в руках? Ну?

Г л а ф и р а. Не к месту... не ко времени разговоры эти. Зачем звали?

Б у л ы ч о в. Д о н а т а пошли. Стой! Дай-ко руку. Любишь всё-таки? И хворого?

Г л а ф и р а (припадая к нему). Горе ты моё... Да – не хворай ты! Не хворай... (Оторвалась, убежала.)

(Булычов хмуро улыбается, облизывает губы. Качает головой. лёг.)

Д о н а т. Доброго здоровья, Егор Васильевич!

Б у л ы ч о в. Спасибо. С чем прибыл?

Д о н а т. С хорошим: медведя обложили.

Б у л ы ч о в (вздыхнув). Ну, это... для зависти, а не для радости. Мне теперь медведь – не забава. Лес-то рубят?

Д о н а т. Помаленьку. Людей нет.

(Входит Ксения. Нарядная, руки в кольцах.)

Б у л ы ч о в. Ты что?

К с е н и я. Ничего. Ты бы, Егорий, не соблазнялся медведем-то, куда уж тебе охотиться.

Б у л ы ч о в. Помолчи. Нет людей?

Д о н а т. Старики да мальчишки остались. Князю полсотни пленных дали, так они в лесу не могут работать.

Б у л ы ч о в. Они поди-ко с бабами работают.

Д о н а т. Это – есть.

Б у л ы ч о в. Да... Баба теперь голодная.

К с е н и я. Слышно – большой разврат пошёл по деревням...

Д о н а т. Почему разврат, Аксинья Яковлевна? Мужиков – перебили, детей-то надобно родить? Выходит так: кто перебил, тот и народи...

Б у л ы ч о в. Похоже...

К с е н и я. Ну уж, какие дети от пленных! Хотя, конечно, ежели мужчина здоровый...

Б у л ы ч о в. А баба – дура, так ему от этой бабы детей иметь неохота.

К с е н и я. У нас бабы – умные. А здоровых-то мужиков всех на войну угнали, дома остались одни... адвокаты.

Б у л ы ч о в. Народу перепорчено – много.

Егор Булычов и другие. Максим Горький gorkiy.mos.ru
К с е н и я. Зато остальные богаче жить будут.

Б у л ы ч о в. Сообразила!

Д о н а т. Цари народом сыты не бывают.

Б у л ы ч о в. Как ты сказал?

Д о н а т. Не бывают, говорю, цари народом сыты. Своих кормить нечем, а всё хотим ещё чужих завоевать.

Б у л ы ч о в. Верно. Это – верно!

Д о н а т. Нельзя иначе понять – для какого смысла воюем? И вот бьют нас, за жадность.

Б у л ы ч о в. Правильно говоришь, Донат! Вот и Яков, крестник, тоже говорит: "Жадность всему горю начало". Он – как там?

Д о н а т. Он – ничего. Умный он у вас.

К с е н и я. Нашел умника! Дерзкий он, а не умный.

Д о н а т. От ума и дерзок, Аксинья Яковлевна. Он там, Егорий Васильевич, дезертиров подобрал человек десяток, поставил на работу, ничего – работают. А то они воровством баловались.

Б у л ы ч о в. Н-ну, это... Мокроусов узнает – скандалить начнёт.

Д о н а т. Мокроусов – знает. Он даже рад. Ему – легче.

Б у л ы ч о в. Ну, смотри...

(Звонцов сходит сверху.)

Д о н а т. Медведя, значит...

Б у л ы ч о в. Медведь – твоё счастье.

З в о н ц о в. Разрешите предложить медведя Бетлингу! Вы знаете, он оказывает нам...

Б у л ы ч о в. Знаю, знаю! Предлагай. А то – архиерею предложи!

К с е н и я (усмехаясь). Вот бы поглядеть, как архиерей в медведя стреляет.

Б у л ы ч о в. Ну, я устал. Прощай, Донат! А что-то нехорошо всё, братец мой, а? Как я захворал, так и началось неладное...

(Донат молча поклонился, уходит.)

Б у л ы ч о в. Аксинья, Шурку пошли мне. Ты чего мнёшься, Андрей? Говори сразу!

З в о н ц о в. Я по поводу Лаптева...

Б у л ы ч о в. Ну?

З в о н ц о в. Мне стало известно, что он связался с... неблагонадёжными людьми и на ярмарке в Копосове говорил мужикам противуправительственные речи.

Б у л ы ч о в. Брось! Ну какие теперь ярмарки? Какие мужики? И что вы все на Якова жалуетесь?

З в о н ц о в. Но ведь он как бы член нашей семьи...

(Шура вбегает.)

Б у л ы ч о в. Как бы... Не очень-то вы его... своим считаете. Он вот и обедать

Егор Булычов и другие. Максим Горький gorkiuraxim.ru
по воскресеньям не приходит... Иди, Андрей... После расскажешь...

Ш у р а. На Якова ябедничал?

Б у л ы ч о в. Это – не твоё дело. Сядь сюда. На тебя тоже все жалуются.

Ш у р а. Кто – все?

Б у л ы ч о в. Аксинья, Варвара...

Ш у р а. Это ещё не все.

Б у л ы ч о в. Я серьёзно говорю, Шурёнок.

Ш у р а. Серьёзно ты говоришь – не так.

Б у л ы ч о в. Дерзкая ты со всеми, ничего не делаешь...

Ш у р а. Если ничего не делаю, так в чём же дерзкая?

Б у л ы ч о в. Не слушаешь никого.

Ш у р а. Всех слушаю. Точно слушать, рыжий!

Б у л ы ч о в. Сама – рыжая, хуже меня. Вот и со мной говоришь... неладно!
Надобно тебя ругать, а не хочется.

Ш у р а. Не хочется, значит – не надо.

Б у л ы ч о в. Ишь ты! Не хочется – не надо. Эдак-то жить легко бы, да нельзя!

Ш у р а. А кто мешает?

Б у л ы ч о в. Всё... все мешают. Тебе этого не понять.

Ш у р а. А ты – научи, чтобы поняла, чтобы мне не мешали...

Б у л ы ч о в. Ну, этому... не научишь! Ты что, Аксинья? Что ты всё бродишь,
чего ищешь?

К с е н и я. Доктор приехал, и Башкин ждёт. Лександра, оправь юбку, как ты
сидишь?

Б у л ы ч о в (встаёт). Ну, зови доктора. Лежать мне вредно, тяжелею от лежанья.
Эх... Улепётывай, Шурёнок! Ногу не вывихни, гляди!

Д о к т о р. Здравствуйте! Как мы себя чувствуем?

Б у л ы ч о в. Неважно. Плоховато лечишь, Нифонт Григорьевич.

Д о к т о р. Нуте-ко, пойдёмте к вам...

Б у л ы ч о в (идя рядом с ним). Ты давай мне самые злые, самые дорогие
лекарства: мне, брат, обязательно выздороветь надо! Вылечишь больницу построю,
старшим будешь в ней, делай что хочешь...

(Ушли. Ксения, Башкин.)

К с е н и я. Что сказал, доктор-то?

Б а ш к и н. Рак, говорит, рак в печёнке...

К с е н и я. Ух ты, господи! Что выдумают!

Б а ш к и н. Болезнь, говорит, опасная.

К с е н и я. Ну конечно! Всякий своё дело самым трудным считает.

Егор Булычов и другие. Максим Горький gorkiymaxim.ru

Б а ш к и н. Не во время захворал! Кругом деньги падают, как из худого кармана, нищие тысячками становятся, а он...

К с е н и я. Да, да! Так богатеют люди, так богатеют!

Б а ш к и н. Достигаев до того растучнел, что весь незастёгнутый ходит, а говорить может только тысячами. А у Егора Васильевича вроде затмения ума начинается. Намедни говорит: "Жил, говорит, я мимо настоящего дела". Что это значит?

К с е н и я. Ох, и я замечаю – нехорошо он говорит!

Б а ш к и н. А ведь он на твоём с сестрой капитале жить начал. Должен бы приумножать.

К с е н и я. Ошиблась я, Мокей, давно знаю – ошиблась, Вышла замуж за приказчика, да не за того. Кабы за тебя вышла – как спокойно жили бы! А он... Господи! Какой озорник! Чего я от него не терпела. Дочь прижил на стороне да посадил на мою шею. Зятя выбрал... из плохих – похуже. Боюсь я, Мокей Петрович, обойдут, облапошат меня зять с Варварой, пустят по миру...

Б а ш к и н. Всё возможно. Война! На войне – ни стыда, ни жалости.

К с е н и я. Ты – старый наш слуга, тебя батюшка мой на ноги поставил, ты обо мне подумай...

Б а ш к и н. Я и думаю...

(Звонцов идёт.)

З в о н ц о в. Что, доктор – ушёл?

К с е н и я. Там ещё.

З в о н ц о в. Мокей Петрович, как – сукно?

Б а ш к и н. Не принимает Бетлинг.

З в о н ц о в. А сколько надобно дать ему?

Б а ш к и н. Тысяч... пяток, не меньше.

К с е н и я. Экий грабитель! А ведь старик!

З в о н ц о в. Через Жанну?

Б а ш к и н. Да уж как установлено.

К с е н и я. Пять тысяч! За что? А?

З в о н ц о в. Теперь деньги дешёвы.

К с е н и я. В чужом-то кармане...

З в о н ц о в. Тесть согласен?

Б а ш к и н. Вот, я пришёл узнать, согласен ли.

Д о к т о р (вышел – берёт Звонцова под руку). Ну-с, вот что...

К с е н и я. Ох, порадуйте нас...

Д о к т о р. Больной должен лежать возможно больше. Всякие дела, волнения, раздражения – крайне вредны для него. Покой и покой! Затем... (Шепчет Звонцову.)

К с е н и я. А мне почему нельзя сказать? Я – жена.

Д о к т о р. О некоторых вещах с дамами говорить неудобно. (Снова шепчет.)

Егор Булычов и другие. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Сегодня же вечером и устроим.

К с е н и я. Что это вы устроите?

Д о к т о р. Консилиум, совет докторов.

К с е н и я. Ба-атюшки...

Д о к т о р. Это – не страшно. Ну-с, до свидания! (Уходит.)

К с е н и я. Строгий какой... Туда же! За пять минут пять целковых берёт. Шестьдесят рублей в час... вот как!

З в о н ц о в. Он говорит – операция нужна...

К с е н и я. Резать? Ну, уж это – нет! Нет, уж резать я не позволю...

З в о н ц о в. Послушайте, это – невежественно! Хирургия, наука...

К с е н и я. Плевать мне на твою науку! Вот тебе! Ты тоже невежливо говоришь со мной.

З в о н ц о в. Я говорю не о приличиях, а о вашей темноте...

К с е н и я. Сам не больно светел!

(Звонцов, махнув рукой, отошёл прочь. Глафира бежит.)

К с е н и я. Куда?

Г л а ф и р а. Звонок из спальни...

(Ксения идёт вместе с ней к мужу.)

З в о н ц о в. Не во время заболел тесть.

Б а ш к и н. Да. Стесняет. Время такое, что умные люди, как фокусники, прямо из воздуха деньги достают.

З в о н ц о в. Н-да. К тому же революция будет.

Б а ш к и н. Это я не одобряю. Была она в пятом году. Бестолковое дело.

З в о н ц о в. В пятом был – бунт, а не революция. Тогда крестьяне и рабочие дома были, а теперь – на фронтах. Теперь революция будет против чиновников, губернаторов, министров.

Б а ш к и н. Если бы так – давай бог! Чиновники хуже клещей, вцепятся, не оторвёшь...

З в о н ц о в. Царь явно не способен править.

Б а ш к и н. Поговаривают об этом и в купечестве. Будто мужик какой-то царицу обошёл?

(Варвара на лестнице, слушает.)

З в о н ц о в. Да. Григорий Распутин.

Б а ш к и н. Не верится в колдовство.

З в о н ц о в. А – в любовников – верите?

Б а ш к и н. На сказку похоже. У неё – генералов – сотня.

В а р в а р а. Глупости какие говорите вы.

Б а ш к и н. Все так говорят, Варвара Егоровна. Я всё-таки полагаю, что без царя

- нельзя!

З в о н ц о в. Царь должен быть не в Петрограде, а - в голове. Кончился спектакль?

В а р в а р а. Отложили. Приехал какой-то ревизор, - вечером эшелон раненых будет, около пятисот. А места для них нет.

Г л а ф и р а. Мокей Петрович, вас зовут.

(Башкин ушёл, оставив на столе тёплый картуз.)

В а р в а р а. Что ты с ним откровенничаешь? Ты же знаешь, что он шпионит за нами для матери! картуз этот он лет десять носит, жадюга! Просален весь. Не понимаю, почему ты с этим жуликом...

З в о н ц о в. Ах, оставь! Хочу занять у него денег на взятку Бетлингу...

В а р в а р а. Но я же тебе сказала, что всё это устроит Лиза Достигаева через Жанну! И обойдётся - дешевле...

З в о н ц о в. Надует тебя Лизавета...

К с е н и я (из комнаты мужа). Уговорите вы его, чтобы лежал! Он там ходит и Мокея ругает... Ах, господи!..

З в о н ц о в. Поди ты, Варя...

Б у л ы ч о в (в халате, в валяных туфлях). Ну, и что ещё? Несчастливая война?

Б а ш к и н (идя за ним). Кто же спорит?

Б у л ы ч о в. Для кого несчастная?

Б а ш к и н. Для нас.

Б у л ы ч о в. Для кого - для нас? Ты же говоришь: от войны миллионы наживают? Ну?

Б а ш к и н. Для народа... значит...

Б у л ы ч о в. Народ - мужик, ему - всё равно: что жить, что умирать. Вот какая твоя правда!

К с е н и я. Да - не сердись ты! Вредно тебе...

Б а ш к и н. Ну, что вы? Какая же это правда?

Б у л ы ч о в. Самая настоящая! Это и есть правда. Я говорю прямо; моё дело - деньги наживать, а мужиково - хлеб работать, товары покупать. А какая другая правда есть?

Б а ш к и н. Конечно, это - так, а всё-таки...

Б у л ы ч о в. Ну, а что - всё-таки? Ты о чём думаешь, когда ворует у меня?

Б а ш к и н. Зачем же вы обижаете?

К с е н и я. Ну, что ты, Варя, глядишь? Уговори его! Ему лежать велено.

Б у л ы ч о в. Ты - о народе думаешь?

Б а ш к и н. И - при людях обижаете! Ворую! Это надо доказать!

Б у л ы ч о в. Доказывать нечего. Всем известно: воровство дело законное. И обижать тебя - незачем. От обиды ты не станешь лучше, хуже станешь. И ворует - не ты - рубль ворует. Он, сам по себе, есть главный вор...

Егор Булычов и другие. Максим Горький gorkiуmaxim.ru
Б а ш к и н. Это один Яков Лаптев может говорить.

Б у л ы ч о в. Вот он и говорит. Ну, ступай. А взятку Бетлингу не давать. Довольно давали, хватит ему на гроб, на саван, старому чёрту! Вы что тут собрались? Чего ждёте?

В а р в а р а. Мы ничего не ждём...

Б у л ы ч о в. Будто – ничего? Когда – так, идите по своим делам. Дело-то у вас – есть? Аксинья, скажи, чтоб у меня проветрили. Душно там, кислыми лекарствами пахнет. Да – пускай Глафира квасу клюквенного принесёт.

К с е н и я. Нельзя тебе квасу-то.

Б у л ы ч о в. Иди, иди! Я сам знаю, чего нельзя, что можно.

К с е н и я (уходя). Кабы знал...

(Все ушли.)

Б у л ы ч о в (обошёл вокруг стола, придерживаясь за него рукой. Смотрит в зеркало, говорит почти во весь голос). Плохо твоё дело, Егор. И рожа, брат, у тебя... не твоя какая-то!

Г л а ф и р а (с подносом, на нём стакан молока). Вот вам молоко.

Б у л ы ч о в. Тащи кошке. А мне – квасу. Клюквенного.

Г л а ф и р а. Квасу вам не велят давать.

Б у л ы ч о в. Они не велят, а ты – принеси. Стой! Как по-твоему умру я?

Г л а ф и р а. Не может этого быть.

Б у л ы ч о в. Почему?

Г л а ф и р а. Не верю.

Б у л ы ч о в. Не веришь? Нет, брат, дело мое – плохо! Очень плохо, я знаю!

Г л а ф и р а. Не верю.

Б у л ы ч о в. Упряма. Ну, давай квасу! А я померанцевой выпью... Она – полезная. (Идёт к буфету.) Заперли, черти. Эки свиньи! Оберегают. Похоже, что я заключённый. Арестант... вроде.

Занавес

ВТОРОЙ АКТ

Гостиная Булычовых. З в о н ц о в и Т я т и н – в углу, за маленьким круглым столом, на столе бутылка вина.

З в о н ц о в (закуривая). Понял?

Т я т и н. По чести говоря, Андрей, не нравится мне это...

З в о н ц о в. А – деньги нравятся?

Т я т и н. Деньги, к сожалению, нравятся.

З в о н ц о в. Ты – кого жалеешь?

Т я т и н. Себя, разумеется...

З в о н ц о в. Есть чего жалеть!

Т я т и н. Всё-таки, знаешь, я сам себе – единственный друг.

З в о н ц о в. Ты бы не философствовал, а – думал.

Т я т и н. Я – думаю. Девушка она избалованная, трудно будет с ней.

З в о н ц о в. Разведёшься.

Т я т и н. А деньги-то у неё останутся...

З в о н ц о в. Сделаем так, что у тебя будут. А шурку я берусь укротить.

Т я т и н. По чести сказать...

З в о н ц о в. Так, что её поторопятся выдать замуж и приданое будет увеличено.

Т я т и н. Это ты... остроумно! А какое приданое?

З в о н ц о в. Пятьдесят.

Т я т и н. Тысяч?

З в о н ц о в. Пуговиц.

Т я т и н. Верно?

З в о н ц о в. Но ты подпишешь мне векселей на десять.

Т я т и н. Тысяч?

З в о н ц о в. Нет, рублей! Чудак!

Т я т и н. Мно-ого...

З в о н ц о в. Тогда – прекратим беседу.

Т я т и н. А ты... всё это серьёзно?

З в о н ц о в. Несерьёзно о деньгах только дураки говорят...

Т я т и н (усмехаясь). Чёрт возьми... Замечательно придумано.

(Входит Достигаев.)

З в о н ц о в. Рад, что ты, кажется, что-то понимаешь. Тебе, интеллигенту-пролетарию, нельзя в эти лютые дни...

Т я т и н. Да, да, конечно! Но – мне пора в суд.

Д о с т и г а е в. Чем ты расстроен, Степаша?

З в о н ц о в. Мы – о Распутине вспомнили.

Д о с т и г а е в. Вот – участь, а? Простой, сибирский мужик – с епископами, министрами в шашки играл! Сотнями тысяч ворочал! Меньше десяти тысяч взятки – не брал! Из верных рук знаю – не брал! Вы что пьёте? Бургонское? Это вино тяжёлое, его за обедом надо пить, некультурный народ!

З в о н ц о в. Как вы нашли тестя?

Д о с т и г а е в. А – чего же его искать, – он не прятался. Ты, Степаша, принёс бы стаканчик мне. (Тятин, не торопясь, уходит.) А Булычов, надо прямо сказать, в плохом виде! В опасном положении он...

З в о н ц о в. Мне тоже кажется, что...

Д о с т и г а е в. Да, да! Это самое. И при этом боится он умереть, а потому – обязательно умрёт. И ты этот факт – учти! Дни нашей жизни такие, что ротик разевать нельзя, ручки в карманах держать – не полагается. Государственный

Егор Булычов и другие. Максим Горький gorkiуmaxim.ru
плетень со всех сторон свиньи подрывают, и что будет революция, так это даже губернатор понимает...

Т я т и н [входит]. Егор Васильевич в столовую вышел.

Д о с т и г а е в (берёт стакан). Спасибо, Степаша. Вышел, говоришь? Ну, и мы туда.

З в о н ц о в. Промышленники, кажется, понимают свою роль...

(Идут - Варвара, Елизавета.)

Д о с т и г а е в. Московские-то? Ещё бы не понимали!

Е л и з а в е т а. Они пьют, как воробушки, а там Булычов рычит слушать невозможно!

Д о с т и г а е в. Почему Америка процветает? Потому, что там у власти сами хозяева...

В а р в а р а. Жанна Бетлингова совершенно серьёзно верит, что в Америке кухарки на рынок в автомобилях ездят.

Д о с т и г а е в. Вполне возможно. Хотя... наверное, вранье. А ты, Варюша, всё с военными? Хочешь быть подполковником?

В а р в а р а. Ух, как старо! Вы о чём мечтаете, Тятин?

Т я т и н. Да... так, вообще...

Е л и з а в е т а (перед зеркалом). Вчера Жанна рассказала мне анекдот изумительный! Как цветок!

Д о с т и г а е в. А ну, а ну - какой?

Е л и з а в е т а. При мужчинах - нельзя.

Д о с т и г а е в. Хорош цветок!

(Варвара что-то шепнула Елизавете.)

Е л и з а в е т а. Муж! Ты тут будешь сидеть до дна бутылки?

Д о с т и г а е в. А - кому я мешаю?

Е л и з а в е т а (Тятину). Вы, Стёпочка, знаете псалом: "Блажен муж, иже не иде на совет нечестивых и на пути грешных не ста"?

Т я т и н. Что-то такое помню...

Е л и з а в е т а (берёт его под руку). Вот эти, все - они и есть нечестивые грешники, а вы тихий юноша для луны, любви и прочего, да? (Уводит.)

Д о с т и г а е в. Экая болтушка!

В а р в а р а. Василий Ефимович, мать и Башкин вызвали тётку Меланью.

Д о с т и г а е в. Игуменью? У-у, это зверь серьёзный! Она будет против фирмы Достигаев и Звонцов, она - против! Она за вывеску - Ксения Булычова и Достигаев...

З в о н ц о в. Она может потребовать деньги из дела.

Д о с т и г а е в. Маланьиных денег - сколько? Семьдесят тысяч?

З в о н ц о в. Девяносто.

Д о с т и г а е в. Всё-таки это - куш! Личные или монастыря?

В а р в а р а. Как это узнаешь?

Д о с т и г а е в. Узнать – можно. Узнать – всё можно! Вот – немцы, они знают не только число солдат у нас на фронте, а даже – сколько вшей на каждом солдате.

В а р в а р а. Вы бы серьёзно что-нибудь сказали...

Д о с т и г а е в. Милая Варюша, нельзя ни торговать, ни воевать, не умея сосчитать, сколько денег в кармане. Про Маланьины деньги узнать можно так: имеется дама Секлетейя Полубояринова, она – участница ночных бдений владыки – Никандра, а – Никандр – всякие деньги любит считать. Кроме того, есть один человек в епархиальном совете, – мы его оставим в резерве. Ты, Варюша, возьми переговоры с Полубояриновой, и ежели окажется, что деньжата – монастырские, ну, – сами понимаете! Куда это красавица моя ускользнула?

Г л а ф и р а. Просят в столовую.

Д о с т и г а е в. Спешим. Нуте-с, пошли?

В а р в а р а (будто бы зацепилась подолом за кресло). Андрей, помоги же! Ты ему веришь?

З в о н ц о в. Нашла дурака.

В а р в а р а. Ах, какой жулик! С тёткой я придумала неплохо. А что с Тятиным?

З в о н ц о в. Уломаю.

В а р в а р а. С этим надо торопиться.

З в о н ц о в. Почему?

В а р в а р а. Да ведь после похорон – нужно будет долго ждать. А у отца – и сердце слабое... Кроме того, у меня есть другие причины.

(Ушли. навстречу Глафира, смотрит вслед им с ненавистью, собирает посуду со столика. Лаптев входит.)

Г л а ф и р а. А вчера был слух, что ты арестован.

Л а п т е в. Да ну? Это, должно быть, неверно.

Г л а ф и р а. Всё шутишь.

Л а п т е в. Есть – нечего, да – жить весело.

Г л а ф и р а. Свернёшь башку на шуточках-то.

Л а п т е в. За хорошие шутки не бьют, а хвалят, стало быть, попадёт яшутке за плохие шутки.

Г л а ф и р а, Мели, Емеля! Там, у Шуры, Тонька Достигаева.

Л а п т е в. Брр, её – не надо!

Г л а ф и р а. Позову шуру – сюда, что ли?

Л а п т е в. Дельно. А как Булычов?

Г л а ф и р а (гневно). Какой он тебе Булычов! Он – отец крёстный твой!

Л а п т е в. Не сердись, тётя Глаша.

Г л а ф и р а. Плохо ему.

Л а п т е в. Плохо? Постой, постой! Голодно живут приятели мои, тётя Глаша, не достанешь ли муки, пуда два, а то и мешок?

Г л а ф и р а. Что же – воровать у хозяев буду для тебя?

Л а п т е в. Да ведь уже не первый раз! Всё равно – и раньше грешила, грех – на мне! Ребятам, ей-богу, кушать охота! Тебе же в доме этом за труд твой принадлежит больше, чем хозяевам.

Г л а ф и р а. Слышала я эти сказки твои! Завтра утром Донату будут отправлять муку, мешок возьмёшь у него. (Уходит.)

Л а п т е в. Вот спасибо! (Сел на диван, зевнул до слёз, оттирает слёзы, осматривается.)

К с е н и я (идёт, ворчит). Бегают, как черти от ладана...

Л а п т е в. Здравствуйте...

К с е н и я. Ой! Ох, что ты тут сидишь?

Л а п т е в. А надо – ходить?

К с е н и я. То – нигде нет его, то вдруг придёт! Как в прятки играешь. Отец-то крёстный – болеет, а тебе хоть бы что...

Л а п т е в. Заболеть надо мне, что ли?

К с е н и я. Все вы с ума сошли, да и других сводите. Понять нельзя ничего! Вон, слышь, царя хотят в клетку посадить, как Емельку Пугачёва. Врут, что ли, грамотей?

Л а п т е в. Всё возможно, всё!

Г л а ф и р а. Аксинья Яковлевна, на минутку.

К с е н и я. Ну, что ещё? Покоя нет... о, господи... (Ушла.)

Ш у р а (вбегает). Здравствуй!

Л а п т е в. Шурочка, в Москву еду, а денег нету – выручай!

Ш у р а. У меня тридцать рублей...

Л а п т е в. Пятьдесят бы, а?

Ш у р а. Достану.

Л а п т е в. Вечером, к поезду? Можно?

Ш у р а. Да. Слушай: революция будет?

Л а п т е в. Да она же началась! Ты – что, газет не читаешь?

Ш у р а. Я – не понимаю газет.

Л а п т е в. Спроси Тятина.

Ш у р а. Яков, скажи честно: что такое Тятин?

Л а п т е в. Вот те раз! Ты же почти полгода ежедневно видишь его.

Ш у р а. Он честный?

Л а п т е в. Да... ничего, честный.

Ш у р а. Почему ты говоришь нерешительно?

Л а п т е в. Мямля он. Мутноватый такой. Обижен, что ли.

Ш у р а. Кем?

Л а п т е в. Из университета вышибли со второго курса. Работает у брата, письмоводителем, а брат...

Ш у р а. Звонцов – жулик?

Л а п т е в. Либерал, кадет, а они вообще жуликоваты. Деньги ты Глафире передай, она доставит.

Ш у р а. Глафира и Тятин помогают тебе?

Л а п т е в. В чём?

Ш у р а. Не финти, яшка! Ты понимаешь. Я тоже хочу помогать, слышишь?

Л а п т е в (удивлён). Что это ты, девушка, как будто только сегодня проснулась?

Ш у р а (гневно). Не смей издеваться надо мной! Ты – дурак!

Л а п т е в. Возможно, что и дурак, но всё-таки я хотел бы понять...

Ш у р а. Варвара идёт!

Л а п т е в. Ну, я её не желаю видеть.

Ш у р а. Идём... Скорей.

Л а п т е в (обняв её за плечи). В самом деле – что с тобой?

(Ушли, затворив за собой дверь.)

В а р в а р а (слышит, как щёлкнул замок двери, подошла к ней, повертела ручку). Это ты, Глафира? (Пауза.) Там есть кто-нибудь? Таинственно... (Быстро уходит.)

(Шура тащит за руку Доната.)

Д о н а т. Ну, куда ты меня, Шурок...

Ш у р а. Стой! Говори: отца в городе уважают?

Д о н а т. Богатого везде уважают. Озоруешь ты всё...

Ш у р а. Уважают или боятся?

Д о н а т. Не боялись бы, так не уважали.

Ш у р а. А – любят за что?

Д о н а т. Любят? Не знаю.

Ш у р а. А – знаешь, что любят?

Д о н а т. Его? Как сказать? Извозчики – как будто любят, он с ними не торгуется, сколько спросят, столько и даёт. А извозчик, он, конечно, другому скажет, ну и...

Ш у р а (притопнув ногой). Ты смеёшься?

Д о н а т. Зачем? Я правду объясняю.

Ш у р а. Ты стал злой. Ты совсем другой стал!

Д о н а т. Ну, где уж мне другим быть! Опоздал я.

Ш у р а. Ты хвалил мне отца.

Д о н а т. Я его и не хаю. У всякой рыбы своя чешуя.

Ш у р а. Все вы – врётё.

Д о н а т (понурия, вздыхая). Ты – не сердись, сердцем ничего не докажешь.

Ш у р а. Уходи! Слушай, Глафира... Ну, кто-то лезет... (Спряталась в драпировку.)

(Входит Алексей Достигаев, щёголь, в галифе, шведской куртке, весь в ремнях и карманах.)

А л е к с е й. Вы всё хорошеете, Глаша.

Г л а ф и р а (угрюмо). Приятно слышать.

А л е к с е й. А мне – неприятно. (Встал на дороге Глафиры.) Не нравится мне хорошее, если оно не моё.

Г л а ф и р а. Пропустите, пожалуйста.

А л е к с е й. Сделайте одолжение. (Позевнув, смотрит на часы.)

(Входит Антонина, несколько позднее – Тятин.)

Ш у р а. Ты, кажется, и за горничными ухаживаешь?

А н т о н и н а. Ему – всё равно, хоть за рыбами.

А л е к с е й. Горничные, если их раздеть, ни в чём не уступают барыням.

А н т о н и н а. Слышишь? Он теперь всегда говорит такое, точно не на фронте жил, а в кабаке...

Ш у р а. Да, раньше он был такой же ленивый, но не такой храбрый на словах.

А л е к с е й. Я – и на деле.

А н т о н и н а. Ах, как врёт! Он – трус, трус! Страшно боится, что его соблазнит мачеха.

А л е к с е й. Что ты сочиняешь? Дурочка!

А н т о н и н а. И отвратительно жадный. Ты знаешь, я ему плачу рубль двадцать копеек за тот день, когда он не скажет мне какой-нибудь гадости. Он – берёт!

А л е к с е й. Тятин! Вам нравится Антонина?

Т я т и н. Да. Очень.

Ш у р а. А – я?

Т я т и н. Говоря правду...

Ш у р а. Ну да, конечно, правду!

Т я т и н. Вы – не очень.

Ш у р а. Вот как? Это правда?

Т я т и н. Да.

А н т о н и н а. Не верь, он сказал, как эхо.

А л е к с е й. Вы бы, Тятин, женились на Антонине. Мне она надоела.

А н т о н и н а. Какой болван! Уйди! Ты похож на беременную прачку.

А л е к с е й (обняв её за талию). Ох, какая аристократка! Не гризе па ле

Егор Булычов и другие. Максим Горький gorkiymaxim.ru
семиачки, се моветон (это дурной тон (франц.) - Ред.)

А н т о н и н а. Оставь меня!

А л е к с е й. С удовольствием! (Танцует с ней.)

Ш у р а. Может быть, я совсем не нравлюсь вам, Тятин?

Т я т и н. А зачем вы хотите знать это?

Ш у р а. Надо. Интересно.

А л е к с е й. Ты что мямлишь? Она замуж за тебя напрашивается. Теперь все девицы торопятся быть вдовами героев. Ибо - паёк, ореол и пенсия.

А н т о н и н а. Он уверен, что это остроумно!

А л е к с е й. Пойду по своей стезе. Тонька, проводи меня до прихожей.

А н т о н и н а. Не хочу!

А л е к с е й. Мне нужно. Серьёзно, идём!

А н т о н и н а. Наверное, какая-нибудь глупость.

Ш у р а. Тятин, вы - правдивый человек?

Т я т и н. Нет.

Ш у р а. Почему?

Т я т и н. Невыгодно.

Ш у р а. Если вы так говорите, - значит, вы правдивый. Ну, теперь скажите сразу: вам советуют свататься ко мне?

Т я т и н (закуривая, не сразу). Советуют.

Ш у р а. А вы понимаете, что это плохой совет?

Т я т и н. Понимаю.

Ш у р а. Да, вы... Вот не ожидала! Я думала, вы...

Т я т и н. Скверно думали, должно быть?

Ш у р а. Нет, вы... замечательный! А может быть, вы - хитрый, да? Вы играете на правду? Чтобы околпачить меня?

Т я т и н. Это мне - не по силам. Вы - умная, злая, озорная, совсем как ваш отец; по совести говоря - я вас боюсь. И рыжая вы, как Егор Васильевич. Вроде пожарного факела.

Ш у р а. Тятин, вы - молодец! Или - страшная хитрюга...

Т я т и н. И лицо у вас - необыкновенное...

Ш у р а. Это - о лице - для смягчения удара? Нет, вы хитрый!

Т я т и н. Думайте как хотите. По-моему, вы обязательно сделаете что-нибудь... преступное! А я привык жить кверху лапками - знаете, как виноватые кутята...

Ш у р а. В чём виноватые?

Т я т и н. Не знаю. В том, что кутята, и - зубов нет, укусить не могут.

А н т о н и н а (входит). Дурак Алёшка страшно больно дёрнул меня за ухо. И деньги отобрал, как жулик! Знаешь, он сопьётся, это - наверное! Мы с ним такие

Егор Булычов и другие. Максим Горький gorkiuraxim.ru
никчемушные, купеческие дети. Тебе – смешно?

Ш у р а. Тоня, – забудь всё плохое, что я тебе говорила о нём!

А н т о н и н а. О Тятине? А – что ты говорила? Я не помню.

Ш у р а. Ну, что он свататься хочет ко мне.

А н т о н и н а. Почему это плохо?

Ш у р а. Из-за денег.

А н т о н и н а. Ах, да! Ну, это – свинство, Тятин!

Ш у р а. Жаль, не слышала ты, как он отвечал на мои вопросные слова.

А н т о н и н а. Варумные слова (варум (нем.) – почему? – Ред.). Помнишь "Варум" Шуберта?

Т я т и н. Разве Шуберта?

А н т о н и н а. Варум очень похоже на птицу марабу, такая мрачная птица... в Африке.

Ш у р а. Что ты сочиняешь?

А н т о н и н а. Я всё больше люблю страшное. Когда страшно, то уже не скучно. Полюбила сидеть в темноте и ждать, что приползёт огромный змей...

Т я т и н (усмехаясь). Это – который был в раю?

А н т о н и н а. Нет, страшнее.

Ш у р а. Ты – занятная. Всегда выдумываешь что-нибудь новое, а все говорят одно и то же: война – Распутин – царица – немцы, война революция...

А н т о н и н а. Ты будешь актрисой или монахиней.

Ш у р а. Монахиней? Ерунда!

А н т о н и н а. Это очень трудно быть монахиней, нужно играть всегда одну роль.

Ш у р а. Я хочу быть кокоткой, как Нана у Золя.

Т я т и н. Вот как вы говорите! Ф-фу!

Ш у р а. Мне – развращать хочется, мстить.

Т я т и н. Кому? За что?

Ш у р а. За то, что я – рыжая, за то, что отец болен... за всё! Вот когда начнётся революция, я развернусь! Увидишь.

А н т о н и н а. Ты веришь, что будет революция?

Ш у р а. Да! Да!

Т я т и н. Революция – будет.

Г л а ф и р а. Шура, приехала мать Мелания, Егор Васильевич хочет принять её здесь.

Ш у р а. Ух – тётка! Бежим ко мне, дети! Тятин, – вы очень уважаете вашего брата?

Т я т и н. Он мне – двоюродный.

Ш у р а. Это не ответ.

Т я т и н. Кажется – родственники вообще мало уважают друг друга.

Ш у р а. Вот это – ответ!

А н т о н и н а. Бросьте говорить о скучном.

Ш у р а. Вы очень смешной, Тятин!

Т я т и н. Ну, что ж делать?

Ш у р а. И одеваются вы смешно.

(Ушли. Глафира отпирает дверь, скрытую драпировкой. В дверях, куда ушла молодёжь, – Булычов. Медленно и важно входит игуменья Мелания, с посохом в руке. Глафира стоит, наклоня голову, придерживая драпировку.)

М е л а н и я. Ты всё ещё здесь трёшься, блудодейка? Не выгнали тебя? Ну, скоро выгонят.

Б у л ы ч о в. Ты тогда в монахини возьми её, у неё – деньги есть.

М е л а н и я. А-а, ты – здесь? Ой, Егор, как тебя перевернуло, помилуй бог!

Б у л ы ч о в. Глаха, закрой двери да скажи, чтоб сюда не лезли. Садись... преподобная! Об каких делах поговорим?

М е л а н и я. Не помогают доктора-то? Видишь: господь терпит день, терпит год и век...

Б у л ы ч о в. О господе – после, давай сначала о деле. Я знаю, о деньгах твоих говорить приехала.

М е л а н и я. Деньги не мои, а – обители.

Б у л ы ч о в. Ну – всё едино: обители, обидели, грабители. Тебя чем деньги беспокоят? Боишься – умру – пропадут?

М е л а н и я. Пропасть они – не могут, а не хочу, чтоб в чужие руки попали.

Б у л ы ч о в. Так, вынуть хочешь из дела? Мне – всё равно – вынимай. Но – гляди – проиграешь! Теперь рубли плодятся, как воши на солдатах. А я не так болен, чтобы умереть...

М е л а н и я. Не ведаем ни дня, ни часа, егда придет смерть. Завещание-то духовное-то написал?

Б у л ы ч о в. Нет!

М е л а н и я. Пора. Напиши! Вдруг – позовёт господь...

Б у л ы ч о в. А зачем я ему?

М е л а н и я. Дерзости свои – оставь! Ты – знаешь, слушать их я не люблю, да и сан мой...

Б у л ы ч о в. А ты – полно, Малаша! Мы друг друга знаем и на глаз и на ощупь. Деньги можешь взять, у Булычова их – много!

М е л а н и я. Вынимать капитал из дела я не желаю, а векселя хочу переписать на Аксинью, вот и – предупреждаю.

Б у л ы ч о в. Так. Ну, это – твоё дело! Однако в случае моей смерти Звонцов Аксинью облапошит. Варвара ему в этом поможет...

М е л а н и я. Вот как ты заговорил? По-новому будто? Злости не слышно.

Б у л ы ч о в. Я злюсь в другую сторону. Вот, давай-ко, поговорим теперь о

Егор Булычов и другие. Максим Горький gorkiymaxim.ru
боге-то, о господе, о душе.

Смолоду много бито, граблено,

Под старость надобно душ`а спасать...

М е л а н и я. Ну... что ж, говори!

Б у л ы ч о в. Ты вот богу служишь днём и ночью, как, примерно, Глафира - мне.

М е л а н и я. Не богохуль! С ума сошёл? Глафира-то как тебе по ночам служит?

Б у л ы ч о в. Рассказать?

М е л а н и я. Не богохуль, говорю! Опомнись!

Б у л ы ч о в. Не рычи! Я же просто говорю, не казёнными молитвами, а человеческими словами. Вот - Глафире ты сказала: скоро её выгонят. Стало быть, веришь: скоро умру. Это - зачем же? Васька Достигаев на девять лет старше меня и намного жуликоватее, а здоров и будет жить. Жена у него первый сорт. Конечно, я - грешник, людей обижал и вообще... всячески грешник. Ну - все друг друга обижают, иначе нельзя, такая жизнь.

М е л а н и я. Ты не предо мной, не пред людьми кайся, а пред богом! Люди - не простят, а бог - милостив. Сам знаешь: разбойники, в старину, как грешили, а воздадут богу богово и - спасены!

Б у л ы ч о в. Ну да, ежели украл да на церковь дал, так ты не вор, а - праведник.

М е л а н и я. Его-ор! Кошунствуешь, слушать не буду! Ты - не глуп, должен понять: господь не допустит - дьявол не соблазнит.

Б у л ы ч о в. Ну - спасибо!

М е л а н и я. Это что ещё?

Б у л ы ч о в. Успокоила. Выходит, что господь вполне свободно допускает дьявола соблазнять нас, - значит, он в грешных делах дьяволу и мне компаньон...

М е л а н и я (встала). Слова эти... слова твои такие, что ежели владыке Никандру сказать про них...

Б у л ы ч о в. А - в чём я ошибся?

М е л а н и я. Еретик! Подумай - что лезет тебе в нездоровую-то башку? Ведь - понимаешь, ежели бог допустил дьявола соблазнить тебя - значит, бог от тебя отрёкся.

Б у л ы ч о в. Отрёкся - а? За что? За то, что я деньги любил, баб люблю, на сестре твоей, дуре, из-за денег женился, любовником твоим был, за это отрёкся? Эх ты... ворона полоротая! Каркаешь, а - без смысла!

М е л а н и я (ошалела). Да что ты, Егор? Обезумел ты? Господи помилуй...

Б у л ы ч о в. Молишься день, ночь под колоколами а - кому молишься, сама того не знаешь.

М е л а н и я. Егор! В пропасть летишь! В пасть адову... В такие дни... Всё разрушается, трон царёв качают злые силы... антихристово время... может - Страшный суд близок...

Б у л ы ч о в. Вспомнила! Страшный суд... Второе пришествие... Эх, ворона! Влетела, накаркала! Ступай, поезжай в свою берлогу с девчонками, с клирошанками лизаться! А вместо денег - вот что получишь от меня - на! (Показывает кукиш.)

М е л а н и я (поражена, почти упала в кресло). Ох, негодяй...

Егор Булычов и другие. Максим Горький gorikiyamaxim.ru

Б у л ы ч о в. Глафира – блудодейка? А – ты? Ты кто?

М е л а н и я. Врешь... Врешь... (Вскочила). Мошенник! Издохнешь скоро! Червь!

Б у л ы ч о в. Прочь! Уходи от греха...

М е л а н и я. Змей... Дьявол...

Б у л ы ч о в (один, рычит, потирает правый бок, кричит). Глафира! Эй...

К с е н и я. Что ты? А Меланья-то где?

Б у л ы ч о в. Улетела.

К с е н и я. Неужто опять поссорились?

Б у л ы ч о в. Ты надолго уселась тут?

К с е н и я. Дай же ты мне, Егор, слово сказать! Ты совсем уж перестал говорить со мной, будто я мебель какая! Ну, что ты как смотришь?

Б у л ы ч о в. Валяй, валяй, говори!

К с е н и я. Что же это началось у нас? Светопреставление какое-то! Зятёк у себя, наверху, трактир устроил, с утра до ночи люди толкутся, заседают чего-то; вчера семь бутылок красного выпили да водки сколько... Дворник Измаил жалуется – полиция одолела его, всё спрашивает: кто к нам ходит? А они там всё про царя да министров. И каждый день – трактир. Ты что голову повесил?

Б у л ы ч о в. Валяй, валяй, сыпь! Молодой, я – любил в трактире с музыкой сидеть.

К с е н и я. Малаша-то зачем приезжала?

Б у л ы ч о в. Врать, Аксинья, ты – не можешь! Глупа для этого.

К с е н и я. Чего же это я соврала, где?

Б у л ы ч о в. Здесь Меланья приехала по уговору с тобой о деньгах говорить.

К с е н и я. Когда же это я уговаривалась с ней, что ты?

Б у л ы ч о в. Ну – ладно! Заткни рот...

(Оживлённо входят Достигаев, Звонцов, Павлин.)

Д о с т и г а е в. Егор, послушай-ко, что отец Павлин из Москвы привёз...

К с е н и я. Ты бы лёг, Егор!

Б у л ы ч о в. Ну, слушаю... отец!

П а в л и н. Хорошего мало рассказать могу, да, по-моему, и хорошее-то – плохо, ибо лучше того, как до войны жили, ничего невозможно выдумать.

Д о с т и г а е в. Нет, протестую! Не-ет!

(Звонцов шепчется с тещей.)

К с е н и я. Плачет?

Д о с т и г а е в. Кто плачет?

К с е н и я. Игуменья.

Д о с т и г а е в. Что же это она?

Б у л ы ч о в. Идите-ко, взгляните, чего она испугалась? А ты, отец, садись,
Страница 23

Егор Булычов и другие. Максим Горький gorkiutaхit.ru
рассказывай.

Д о с т и г а е в. Интересно, от какой жалости плачет Маланья.

П а в л и н. Великое смятение началось в Москве. Даже умственно зрелые люди утверждают, что царя надобно сместить, по неспособности его.

Б у л ы ч о в. С лишком двадцать лет способен был.

П а в л и н. Силы человека иссякают от времени.

Б у л ы ч о в. В тринадцатом году, когда триста лет Романовы праздновали, Николай руку жал мне. Весь народ радовался. Вся Кострома.

П а в л и н. Это – было. Действительно – радовался народ.

Б у л ы ч о в. Что же такое случилось? Вот и Дума есть... Нет, дело не в царе... а в самом корне...

П а в л и н. Корень – это и есть самодержавие.

Б у л ы ч о в. Каждый сам собой держится... своей силой... Да вот сила-то – где? На войне – не оказалось.

П а в л и н. Дума способствовала разрушению сил.

Е л и з а в е т а (в дверях). Вы, отец Павлин, исповедуете?

П а в л и н. Ну, что это, какой вопрос.

Е л и з а в е т а. А где мой муж?

П а в л и н. Был здесь.

Е л и з а в е т а. Какой вы строгий сегодня, отец Павлин. (Исчезла.)

Б у л ы ч о в. Отец...

П а в л и н. Что скажете?

Б у л ы ч о в. Всё – отцы. Бог – отец, царь – отец, ты – отец, я отец. А силы у нас – нет. И все живём на смерть. Я – не про себя, я про войну, про большую смерть. Как в цирке зверя-тигра выпустили из клетки на людей.

П а в л и н. Вы, Егор Васильевич, – успокойтесь...

Б у л ы ч о в. А – на чем? Кто меня успокоит? Чем? Ну – успокой... отец! Покажи силу!

П а в л и н. Почитайте священное писание, библию, например, Иисуса Навина хорошо вспомнить... Война – в законе...

Б у л ы ч о в. Брось. Какой это – закон? Это – сказка. Солнце не остановишь. Врёте.

П а в л и н. Роптать – величайший грех. Надобно с тихой душой и покорно принимать возмездие за греховную нашу жизнь.

Б у л ы ч о в. Ты примирился, когда тебя староста, Алексей Губин, обидел? Ты – в суд подал на него, Звонцова адвокатом пригласил, за тебя архиерей вступился? А вот я в какой суд подам жалобу на болезнь мою? На преждевременную смерть? Ты – покорно умирать будешь? С тихой душой, да? Нет, – заорёшь, застонешь.

П а в л и н. Речи такие не позволяет слушать сан мой. Ибо это речи...

Б у л ы ч о в. Брось, Павлин! Ты – человек. Ряса – это краска на тебе, а под ней ты – человек, такой же, как я. Вот доктор говорит – сердце у тебя плохое, ожирело...

П а в л и н. К чему ведут такие речи? Подумайте и устрашитесь! Установлено от веков...

Б у л ы ч о в. Установлено, да, видно, не крепко.

П а в л и н. Лев Толстой еретик был, почти анафеме предан за неверие, а от смерти бежал в леса, подобно зверю.

К с е н и я. Егор Васильевич, Мокей пришёл, говорит: Якова ночью жандармы арестовали, так он спрашивает...

Б у л ы ч о в. Ну, спасибо, отец Павлин... за поучение! Я ещё тебя... потревожу. Позови Башкина, Аксинья! Скажи Глафире – пусть каши принесёт. И – померанцевой.

К с е н и я. Нельзя тебе водку...

Б у л ы ч о в. Всё – можно. Ступай! (Оглядывается, усмехаясь бормочет.) Отец... Павлин... Филин... Тебе, Егор, надо было табак курить. В дыму – легче, не всё видно... Ну, что, Мокей?

Б а ш к и н. Как здоровье, Егор Васильевич?

Б у л ы ч о в. Всё лучше. Якова арестовали?

Б а ш к и н. Да, ночью сегодня. Скандал!

Б у л ы ч о в. Одного?

Б а ш к и н. Говорят – часовщика какого-то да учительницу Калмыкову, которая Александре Егоровне уроки давала, кочегара Ерихонова, известный бунтарь. Около десятка будто.

Б у л ы ч о в. Все из тех – долой царя?

Б а ш к и н. У них это... различно: одни царя, а другие – всех богатых, и чтобы рабочие сами управляли государством...

Б у л ы ч о в. Ерунда!

Б а ш к и н. Конечно.

Б у л ы ч о в. Пропьют государство.

Б а ш к и н. Не иначе.

Б у л ы ч о в. Да... А – вдруг – не пропьют?

Б а ш к и н. А что ж им делать без хозяев-то?

Б у л ы ч о в. Верно. Без тебя да без Васьки Достигаева – не проживёшь.

Б а ш к и н. И вы – хозяин...

Б у л ы ч о в. Ну, а как же? И я. Как, говоришь, они поют?

Б а ш к и н (вздыхнув). Отречёмся от старого мира...

Б у л ы ч о в. Ну?

Б а ш к и н. Отрясём его прах с наших ног...

Б у л ы ч о в. По словам – на молитву похоже.

Б а ш к и н. Какая же молитва? Ненавидим, дескать, царя... дворец...

Б у л ы ч о в. Вон что! Н-да... черти драповые! (Подумал.) Ну, а тебе чего надо?

Егор Булычов и другие. Максим Горький gorkiymaxim.ru
(Глафира принесла кашу и водку.)

Б а ш к и н. Мне? Ничего.

Б у л ы ч о в. А зачем пришёл?

Б а ш к и н. Спросить, кого на место Якова поставить.

Б у л ы ч о в. Потапова, Сергея.

Б а ш к и н. Он тоже в этих мыслях – ни бога, ни царя...

Б у л ы ч о в. Тоже?

Б а ш к и н. Позвольте предложить – Мокроусова. Он – очень просится к нам. Человек грамотный, распорядительный.

Г л а ф и р а. Каша остынет.

Б у л ы ч о в. Полицейский? Воряга? Чего же он?

Б а ш к и н. Теперь в полиции опасно служить, многие уходят.

Б у л ы ч о в. Так. Опасно? Ах, крысы... Ладно, пришли Потапова. Завтра утром. Ступай... Глаха – трубач пришёл?

Г л а ф и р а. В кухне сидит.

Б у л ы ч о в. Съем кашу – веди его сюда. Что это – как тихо в доме?

Г л а ф и р а. Наверху все.

Б у л ы ч о в (пьёт водку). Ну – и ладно. Ты что... приуныла?

Г л а ф и р а. Не пей, не вреди себе, не хворай ты! Брось всё, уйди от них. Сожрут они тебя, как черви... заживо сожрут! Уедем... в Сибирь...

Б у л ы ч о в. Пусти, больно...

Г л а ф и р а. В Сибирь уедем, я работать буду... Ну – что ты здесь, зачем? Никто тебя не любит, все – смерти ждут...

Б у л ы ч о в. Перестань, Глаха... Не расстраивай меня. Я всё знаю, всё вижу! Я знаю, кто ты мне... Ты да Шурка, вот это я – нажил, а остальное – меня выжило... Может, ещё выздоровлю... Зови трубача, ну-ко...

Г л а ф и р а. Кашу-то съешьте.

Б у л ы ч о в. Чёрт с ней, с кашей! Шурку позови... (Остался один и жадно пьёт рюмку за рюмкой.)

(Входит Трубач. Он смешной, тощий, жалкий, за плечами – на ремнях большая труба в мешке.)

Т р у б а ч. Здравия желаю вашему степенству.

Б у л ы ч о в (удивлён). Здорово. Садись. Глаха, затвори дверь. Вот какой ты...

Т р у б а ч. Так точно.

Б у л ы ч о в. Н-ну... неказист! Рассказывай, как лечишь?

Т р у б а ч. Лечение моё простое, ваше степенство, только люди привыкли питаться лекарствами из аптеки и не верят мне, так что я деньги вперед прошу.

Б у л ы ч о в. Это ты неплохо придумал! А вылечиваешь?

Т р у б а ч. Сотни вылечил.

Б у л ы ч о в. Не разбогател, однако.

Т р у б а ч. На добром деле не богатеют.

Б у л ы ч о в. Вон как ты? От каких же болезней вылечиваешь?

Т р у б а ч. Все болезни одинаково происходят по причине дурного воздуха в животе, так что я ото всех лечу...

Б у л ы ч о в (усмехаясь). Храбро! Ну-ко, покажи трубу-то...

Т р у б а ч. Рубль заплатить можете?

Б у л ы ч о в. Рубль? Найдётся. Глаха - есть у тебя? Получи. Дёшево берёшь.

Т р у б а ч. Это - для начала. (Развязал мешок, вытащил басовую трубу.)

(Шура прибежала.)

Б у л ы ч о в. Самовар какой... Шурок, - хорош целитель? А ну-ко, подуй!

(Трубач откашлялся, трубит, не очень громко, кашляет.)

Б у л ы ч о в. Это и - всё?

Т р у б а ч. Четыре раза в сутки по пяти минут, и - готово!

Б у л ы ч о в. Выдыхается человек? Умирает?

Т р у б а ч. Никогда! Сотни вылечил!

Б у л ы ч о в. Так. Ну, а теперь скажи правду; ты - кем себя считаешь - дураком или жуликом?

Т р у б а ч (вздыхнув). Вот и вы не верите, как все.

Б у л ы ч о в (посмеиваясь). Ты - не прячь трубу-то! Говори прямо: дурак или жулик? Денег дам!

Ш у р а. Не надо обижать его, папа!

Б у л ы ч о в. Я не обижаю, Шурок! Тебя как звать, лекарь?

Т р у б а ч. Гаврила Увеков...

Б у л ы ч о в. Гаврило? (Смеётся.) Ох, чёрт... Неужто - Гаврило?

Т р у б а ч. Имя очень простое... никто не смеётся!

Б у л ы ч о в. Так - ты кто же: глупый или плут?

Т р у б а ч. Шестнадцать рублей дадите?

Б у л ы ч о в. Глаха, - принеси! В спальне... Почему шестнадцать, Гаврило?

Т р у б а ч. Ошибся! Надо было больше спросить.

Б у л ы ч о в. Значит - глупый ты?

Т р у б а ч. Да нет, я не дурак...

Б у л ы ч о в. Стало быть - жулик?

Т р у б а ч. Да и не жулик... Сами знаете: без обмана - не проживёшь.

Б у л ы ч о в. Вот это - верно! Это, брат, нехорошо, а - верно.

Ш у р а. Разве не стыдно обманывать?

Т р у б а ч. А почему стыдно, если верят?

Б у л ы ч о в (возбуждённо). И это – правильно! Понимаешь, Шурка? Это – правильно! А поп Павлин эдак не скажет! Он – не смеет!

Т р у б а ч. За правду мне прибавить надо. И – вот вам крест! некоторым труба помогает.

Б у л ы ч о в. Верю, – двадцать пять дай ему, Глаха. Давай ещё. Давай все!

Т р у б а ч. Вот уж... покорно благодарю... Может, попробуете трубу-то? Пёс её знает... как она, а ей-богу – действует!

Б у л ы ч о в. Нет, спасибо! Ах, ты, Гаврило, Гаврило! (Смеётся.) Ты... вот что, ты покажи, как она... Ну-ко – действуй! Да – потолще!

(Трубач напряжённо и оглушительно трубит. Глафира смотрит на Булычова тревожно. Шура, зажав уши, смеётся.)

Б у л ы ч о в. Сади во всю силу!

(Вбегают Достигаевы, Звонцовы, Башкин, Ксения.)

В а р в а р а. Что это такое, папаша?

К с е н и я. Егор, что ты ещё затеял?

З в о н ц о в (Трубачу). Ты пьяный?

Б у л ы ч о в. Не тронь! Не смей! Глуши их, Гаврило! Это же Гаврило-архангел конец миру трубит!..

К с е н и я. Ой, ой, помешался...

Б а ш к и н (Звонцову). Вот видите?

Ш у р а. Папа, ты слышишь? Они говорят – с ума сошёл ты! Уходите, трубач, уходите!

Б у л ы ч о в. Не надо! Глуши, Гаврило! Светопреставление! Конец миру... Труби-и!..

Занавес

ТРЕТИЙ АКТ

Столовая. Всё в ней кажется сдвинутым со своих мест. На столе небранная посуда, самовар, пакеты из магазина, бутылки. В углу чемоданы, один из них разбирает монастырская служка Т а и с ь я в острой шлычке (головной убор – Ред.), около неё – Г л а ф и р а, с подносом в руке. Над столом горит лампа.

Г л а ф и р а. А надолго мать Мелания к нам?

Т а и с ь я. Не знаю я.

Г л а ф и р а. Почему она у себя на подворье не остановилась?

Т а и с ь я. Не знаю.

Г л а ф и р а. Тебе сколько лет?

Т а и с ь я. Девятнадцать.

(Звонцов на лестнице.)

Г л а ф и р а. А ничего не знаешь! Что ты – дикая какая?

Т а и с ь я. Нам с мирскими не велят говорить.

З в о н ц о в. Игуменья пила чай?

Г л а ф и р а. Нет.

З в о н ц о в. Возьми, подогрей самовар, на всякий случай.

(Глафира уходит, взяв самовар.)

З в о н ц о в. Что там вас – солдаты напугали?

Т а и с ь я. Солдаты-с.

З в о н ц о в. Чем же они напугали?

Т а и с ь я. Корову зарезали, пригрозили поджечь монастырь. Простите. (Ушла, унося груды белья.)

В а р в а р а (из прихожей). Слякоть какая! Ты тут с монашенкой беседуешь?

З в о н ц о в. Присутствие игуменьи в нашем доме неудобная штука, знаешь ли?

В а р в а р а. Дом ещё не наш... Что, Тятин согласился?

З в о н ц о в. Тятин – осёл или притворяется честным.

В а р в а р а. Подожди. Кажется, отец кричит... (Слушает у двери в комнату отца.)

З в о н ц о в. Хотя доктора и утверждают, что он – в своем уме, но после этой дурацкой сцены с трубой...

В а р в а р а. Он и не такие сцены разыгрывал, хуже бывало. Между Александрой и Тятинным наладились, кажется, приятельские отношения?

З в о н ц о в. Да, но – ничего хорошего я в этом не вижу. Сестрица твоя хитрая штука, от неё можно ожидать... весьма серьёзных неприятностей.

В а р в а р а. Жаль, что ты не сообразил этого, когда она кокетничала с тобой. Впрочем, это тебе было приятно.

З в о н ц о в. Кокетничала она со мной, чтобы позлить тебя.

В а р в а р а. Ты огорчён? Ну, Павлин лезет. Повадился!

З в о н ц о в. Духовенства – избыток у нас.

(Входят, споря, Елизавета, Павлин, затем – Мокей.)

П а в л и н. Газеты же, по обыкновению, лгут! Добрый вечер!

Е л и з а в е т а. А я вам говорю, что это неправда!

П а в л и н. Установлено вполне точно: государь отказался от престола не по доброй воле, а под давлением насилия, будучи пойман на дороге на Петроград членами кадетской партии... Да-с!

З в о н ц о в. Что же отсюда следует?

Е л и з а в е т а. Отец Павлин – против революции и за войну, а я против войны! Я хочу в Париж... Довольно воевать! Ты согласна, Варя? Помнишь, как сказал Анри-катр: (Генрих IV (франц.) – Ред.) "Париж лучше войны". Я знаю, что он не так сказал, но – он ошибся.

П а в л и н. Не настаиваю ни на чём, ибо всё колеблется.

Егор Булычев и другие. Максим Горький gorikiu@mail.ru

В а р в а р а. Нужен мир, мир, отец Павлин! Вы видите, как ведёт себя чернь?

П а в л и н. Ох, вижу! А что наш больной? Как с этой стороны? (Прижимает палец к переносью.)

З в о н ц о в. Доктора не нашли признаков расстройств.

П а в л и н. Это – приятно! Хотя доктора безошибочно находят токмо одни гонорары.

Е л и з а в е т а. Какой вы злой! Варя, Жанна приглашает нас ужинать.

Б а ш к и н. Арестованных выпустили, а полиция страдает.

П а в л и н. Да, да... Удивительно! Чего хорошего ожидаете вы от событий, Андрей Петрович, а?

З в о н ц о в. Общественные силы организуются закономерно и скоро скажут своё слово. Под общественными силами я разумею людей, которые обладают прочным экономическим...

В а р в а р а. Слушай-ко, Жанна приглашает нас... (Отводит его в сторону, шепчет.)

З в о н ц о в. Ну, знаешь, это меня ставит не очень удобно! С одной стороны – игуменья, с другой – кокотка...

В а р в а р а. Да – тише ты!

Б а ш к и н. Андрей Петрович, тут – Мокроусов, – знаете, помощник пристава?

З в о н ц о в. Да. Что ему надо?

Б а ш к и н. Он службу бросает по причине опасности и просится к нам, в лес.

З в о н ц о в. Удобно ли это?

В а р в а р а. Подожди, Андрей...

Б а ш к и н. Очень удобно. Лаптев теперь загнёт хвост и бунтовать будет. Донат – сами знаете – человек неподходящий и тоже сектант, всё о законе правды бормочет, а уж какая тут правда, когда... сами видите!

З в о н ц о в. Ну, это чепуха! Мы присутствуем именно при начале торжества правды...

В а р в а р а. Да подожди же, Андрей.

З в о н ц о в. И справедливости.

В а р в а р а. Вы чего хотите, Мокей?

Б а ш к и н. Я – чтобы нанять Мокроусова. Егор Васильевичу я предлагал.

В а р в а р а. Что же он?

(Звонцов, нахмурясь, отошёл прочь.)

Б а ш к и н. Определённо не высказался.

В а р в а р а. Возьмите Мокроусова.

Б а ш к и н. Может – взглянете на него?

В а р в а р а. Зачем же?

Б а ш к и н. Для знакомства. Он – здесь.

Егор Булычов и другие. Максим Горький gorkiуmaxim.ru

В а р в а р а. Ну, хорошо...

(Башкин идёт в прихожую. Варвара пишет что-то в записной книжке. Башкин возвращается с Мокроусовым; это – человек круглолицый, брови удивлённо подняты, на лице – улыбочка, но кажется, что хочет крепко выругаться. В полицейской форме, на боку – револьвер, шаркает ножкой.)

М о к р о у с о в. Честь имею представиться. Глубоко благодарен за честь служить.

В а р в а р а. Очень рада. Вы даже в форме, а я слышала, что полицию разоружают.

М о к р о у с о в. Совершенно верно, в естественном виде нам по улице ходить опасно, так что я – в штатском пальто, хотя при оружии. Но сейчас, по случаю возбуждения неосновательных надежд, чернь несколько приутихла, и потому... без шашки.

В а р в а р а. Когда вы думаете начать службу у нас?

М о к р о у с о в. Мысленно – я уже давно покорный ваш слуга. В лес готов отправиться хоть завтра, я одинок и...

В а р в а р а. Вы думаете, надолго это – этот бунт?

М о к р о у с о в. Полагаю – на всё лето. Потом наступят дожди, морозы, и шляться по улицам будет неудобно.

В а р в а р а (усмехаясь). Только на лето? Едва ли революция зависит от погоды.

М о к р о у с о в. Помилуйте! А как же! Зима – охлаждает.

В а р в а р а (усмехаясь). Вы – оптимист.

М о к р о у с о в. Полиция – вообще оптимисты.

В а р в а р а. Вот как!

М о к р о у с о в. Именно-с. Это от сознания силы-с.

В а р в а р а. Вы служили в армии?

М о к р о у с о в. Так точно. В бузулукском резервном батальоне, имею чин подпоручика.

В а р в а р а (подавая руку). Ну, желаю вам всего хорошего.

М о к р о у с о в (целуя руку). Сердечно тронут. (Ушёл, пятясь задом, притоптывая.)

В а р в а р а (Башкину). Кажется, он – дурак?

Б а ш к и н. Это – не грех. Умники-то – вон они как... Им дай волю, так они землю наизнанку вывернут... Как – вроде – карман.

П а в л и н (Башкину, Елизавете). Духовенству обязательно нужно дать право свободной проповеди, иначе – ничего не получится!

(Глафира, Шура выводят под руки Булычова. Все замолчали, смотря на него; он хмурится.)

Б у л ы ч о в. Ну? Что молчите? Бормотали, бормотали...

П а в л и н. Поражены внезапностью...

Б у л ы ч о в. Что?

П а в л и н. Зрелище человека ведомого...

Егор Булычов и другие. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Б у л ы ч о в. Ведомого! Ноги у человека отнимаются, вот его и ведут!
Ведомого... Мокей – Яшутку освободили?

Б а ш к и н. Да. Всех арестантов освободили.

З в о н ц о в. Политических.

Б у л ы ч о в. Якову Лаптеву свобода, а царя – под арест! Вот как, отец Павлин!
Что скажешь, а?

П а в л и н. Неискушён в делах этих... но – по малому разумению моему – сначала
осведомился бы, что именно намерены говорить и делать эти лица...

Б у л ы ч о в. Царя выбирать. Без царя – перегрызётесь вы все...

П а в л и н. Воодушевлённое лицо у вас сегодня, очевидно преодолеваете недуг?

Б у л ы ч о в. Вот, вот... преодолеваю! Вы, супруги, и ты, Мокей, оставьте-ко
нас, меня с Павлином. Ты, Шурёнок, не уходи.

(Башкин ушёл в прихожую. Звонцовы и Достигаевы – наверх. Минуты через две
Варвара, сойдя до половины лестницы, слушает.)

Ш у р а. Ты – ляг.

Б у л ы ч о в. Не хочу. Ну что, отец Павлин, ты насчёт колокола – что ли?

П а в л и н. Нет, заглянул в надежде увидеть вас в лучшем положении, в чём и не
ошибся. Но, конечно, памятуя щедрые и великодушные в прошлом деяния ваши,
направленные к благолепию града сего и храма...

Б у л ы ч о в. Плохо ты молишься за меня, мне вот всё хуже. И неохота платить
богу. За что платить-то? Плачено немало, а толку нет.

П а в л и н. Жертвы ваши...

Б у л ы ч о в. Постой! Есть вопрос: как богу не стыдно? За что смерть?

Ш у р а. Не говори о смерти, не надо!

Б у л ы ч о в. Ты – молчи! Ты – слушай. Это я – не о себе.

П а в л и н. Напрасно раздражаете себя такими мыслями. И что значит смерть,
когда душа бессмертна?

Б у л ы ч о в. А зачем она втиснута в грязную-то, тесную плоть?

П а в л и н. Вопрос этот церковь считает не токмо праздным, но и...

(Варвара – на лестнице – смеётся, прижав платок ко рту.)

Б у л ы ч о в. Ты – не `икай! Говори прямо. Шура, – трубача помнишь, а?

П а в л и н. В присутствии Александры Егоровны...

Б у л ы ч о в. Это – брось! Ей – жить, ей – знать! Я вот жил-жил, да и
спрашиваю: ты зачем живёшь?

П а в л и н. Служу во храме...

Б у л ы ч о в. Знаю я, знаю – служишь! А ведь придётся тебе умирать. Что это
значит? Что значит – смерть нам, – Павлин?

П а в л и н. Вопрошаете... нелогично и бесплодно! И – простите! Но уже не о
земном надо бы...

Ш у р а. Не смейте так говорить!

Егор Булычов и другие. Максим Горький gorkiytext.ru

Б у л ы ч о в. Я – земной! Я – насквозь земной!

П а в л и н (встаёт). Земля есть прах...

Б у л ы ч о в. Прах? Так, вы, мма... Так вы это, что земля – прах, сами должны понять! Прах, а – ряса шёлковая на тебе. Прах, а – крест золочёный! Прах, а – жадничаєте...

П а в л и н. Злое и пагубное творите в присутствии отроковицы...

Б у л ы ч о в. От рукавицы, от рукавицы...

(Варвара быстро ушла наверх.)

Б у л ы ч о в. Обучают вас, дураков, как собак на зайцев... Разбогатели от нищего Христа...

П а в л и н. Озlobляет вас болезнь, и, озlobляясь, рычите, подобно вепрю...

Б у л ы ч о в. Уходишь? Ага...

Ш у р а. Напрасно ты волнуешься, от этого хуже тебе. Какой ты... неугомонный...

Б у л ы ч о в. Ничего! Жалеть – нечего! Ух, не люблю этого попа! Ты гляди, слушай, я нарочно показываю...

Ш у р а. Я сама всё вижу... не маленькая, не дура!

(Звонцов на лестнице.)

Б у л ы ч о в. Они, после трубача, решили, что я с ума сошёл, а доктора говорят: врётё! Ты ведь докторам веришь, Шура? Докторам-то?

Ш у р а. Я тебе верю... тебе...

Б у л ы ч о в. Ну, то-то! Нет, у меня разум в порядке! Доктора знают. Действительно, я наткнулся на острое. Ну, ведь всякому... интересно; что значит – смерть? Или, например, жизнь? Понимаешь?

Ш у р а. Не верю я, что ты сильно болен. Тебе надо уехать из дома. Глафира верно говорит! Надо лечиться серьёзно. Ты – никого не слушаешь.

Б у л ы ч о в. Всех слушаю! Вот знахарку попробуем. Вдруг – поможет? Ей бы пора прийти. Грызёт меня боль... как тоска!

Ш у р а. Перестань, милый! Не надо, родной мой! Ты – ляг...

Б у л ы ч о в. Лежать – хуже. Лёг – значит – сдался. Это – как в кулачном бою. И – хочется мне говорить. Мне надо тебе рассказать. Понимаешь... какой случай... не на той улице я живу! В чужие люди попал, лет тридцать всё с чужими. Вот чего я тебе не хочу! Отец мой плоты гонял. А я вот... Этого я тебе не могу выразить.

Ш у р а. Ты говори тише, спокойнее... Говори, как, бывало, сказки мне рассказывал.

Б у л ы ч о в. Я тебе – не сказки, я тебе всегда правду говорил. Видишь ли... Попы, цари, губернаторы... на кой чёрт они мне надобны? В бога – я не верю. Где тут бог? Сама видишь... И людей хороших – нет. Хорошие редки, как... фальшивые деньги! Видишь, какие все? Вот они теперь запутались, завоевались... очумели! А – мне какое дело до них? Булычову-то Егору – зачем они? И тебе... ну, как тебе с ними жить?

Ш у р а. Ты не беспокойся обо мне...

К с е н и я (идёт). Александра, к тебе Тоня с братом пришла и этот...

Ш у р а. Подождут.

Егор Булычов и другие. Максим Горький gorikiyamaxim.ru
К с е н и я. А ты – иди-ко! Мне с отцом поговорить надо...

Б у л ы ч о в. А мне – надо?

Ш у р а. Вы – не очень много – говорите...

К с е н и я. Учи, учи меня! Егор Васильевич – Зобунова пришла...

Б у л ы ч о в. Шурок, ты потом веди их сюда, молодёжь-то... Ну, давай Зобунову!

К с е н и я. Сейчас. Я хочу сказать, что Александра подружилась с прощелыгой этим, с двоюродным братом Андрея. Сам понимаешь: это ей не пара. Одного нищего приютили мы, так он – вон как командует.

Б у л ы ч о в. Ты, Аксинья, совсем... как дурной сон, – право!

К с е н и я. Бог с тобой, обижай! Ты бы запретил ей амурничать с Тятиным-то.

Б у л ы ч о в. А ещё что?

К с е н и я. Мелания у нас...

Б у л ы ч о в. Зачем?

К с е н и я. Несчастье с ней. Солдаты беглые напали на обитель, корову зарезали, два топора украли, заступ, связку верёвок, вон что делается! А Донат, лесник наш, нехороших людей привечает, живут они в бараке, на лесорубке...

Б у л ы ч о в. Заметно, что ежели какой человек приятен мне, так он уж никому не приятен.

К с е н и я. Ты бы помирился с ней...

Б у л ы ч о в. С Маланьей? Зачем?

К с е н и я. Да – как же? Здоровье твоё...

Б у л ы ч о в. Ладно. Давай... помирюсь! Я ей скажу: "и остави нам долги наша".

К с е н и я. Ты – поласковее. (Ушла.)

Б у л ы ч о в (бормочет). "и остави нам долги..." "яко же и мы оставляем..."
Кругом враньё... Ох, черти...

В а р в а р а. Папаша! Я слышала, как мать говорила о Степане Тятине...

Б у л ы ч о в. Да... Ты – всё слышишь, всё знаешь...

В а р в а р а. Тятин – скромный человек, он не потребует большого приданого за Александрой и очень хорошая пара для неё.

Б у л ы ч о в. Заботливая ты...

В а р в а р а. Я присмотрелась к нему...

Б у л ы ч о в. О ком ты заботишься? Эх вы... черти домашние!

(Идут Мелания, Ксения, в дверях остановилась служка Таисья.)

Б у л ы ч о в. Ну что, Малаша? Помиримся, что ли?

М е л а н и я. То-то. Воин! Обижаешь всех... ни за что ни про что...

Б у л ы ч о в. "и остави нам долги наша" – Малаша!

М е л а н и я. Не о долгах речь. Не озоруй! Вон какие дела-то начались. Царя, помазанника божия, свергли с престола. Ведь это – что значит? Обрушил господь на люди своя тьму смятения, обезумели все, сами у себя под ногами яму роют. Чернь

Егор Булычов и другие. Максим Горький gorkiuraxim.ru
бунтуется. Копосовские бабы в лицо мне кричали, мы, дескать, народ! Наши мужья, солдаты – народ! Каково? Подумай, когда это солдаты за народ считались?

К с е н и я. Это вот всё Яков Лаптев доказывает...

М е л а н и я. Губернатора власти лишили, а на место его нотариус Осмоловский посажен...

Б у л ы ч о в. Тоже толстый.

М е л а н и я. Вчера владыко Никандр говорил: "Живём накануне происшествий сокрушительных; разве, говорит, штатская власть возможна? От времён библейских народами управляла рука, вооружённая мечом и крестом..."

В а р в а р а. В библейские времена кресту не поклонялись...

М е л а н и я. А ты помолчи, умница... евангелие-то в одном переплёте с библией. А крест есть – меч! Туда же! Владыко-то лучше тебя знает, когда чему поклонялись. Вы, честолюбцы, радуетесь падению престола. Не обернулась бы радость в горькие вам слёзы. Егорушко, мне с тобой надо бы глаз на глаз поговорить...

Б у л ы ч о в. Эдак – опять поругаемся мы с тобой? Однако – можно и поговорить, ну – после! Сейчас лекариха придёт. Выздороветь хочется мне, Малаша!

М е л а н и я. Зобунова – лекариха знаменитая. Докторам – далеко до неё! А потом ты бы с блаженным Прокопием поговорил...

Б у л ы ч о в. Это – которого мальчишки Пропотеем зовут? Жулик он, говорят?

М е л а н и я. Ну, что ты, что ты! Как это можно! Ты прими-ко его...

Б у л ы ч о в. Можно и Пропотей. Мне сегодня что-то лучше... Только вот ноги... Веселее будто. Всё что-то смешно... смешным кажется! Зови знахарку, Аксиныя.

(Ксения ушла.)

М е л а н и я. Эх, Егорий... много ещё в тебе... осталось!

Б у л ы ч о в. Вот то-то и есть, что много...

К с е н и я [входя]. Она говорит, чтобы все ушли...

М е л а н и я. Ну, надо уйти...

(Все ушли. Булычов, усмехаясь, гладит бок, грудь. Входит Зобунова. Незаметно, однако так, чтобы было замечено, она, кривя рот, дует в правую сторону от себя, правая рука прижата к сердцу, а ладонью левой, как рыбьим плавником, отмахивается. Остановилась, провела правой рукой по лицу.)

Б у л ы ч о в. Это ты – чертям молишься?

З о б у н о в а (певуче). Ой вы, злые недуги, телесные печали! Отвяжитесь, откачнитесь, от раба божия удалитесь! В сей день, в сей час, отгоняю вас по всю жизнь крепким моим словом во веки веков! Здравствуйте, благомилостивый человек, по имени Егорий!..

Б у л ы ч о в. Здравствуй, тётка! Это ты чертей отгоняла?

З о б у н о в а. Что ты, роженный, разве с ними можно дело иметь?

Б у л ы ч о в. Надо, так можно! Богу – попы молятся, а ты – не поп, ты должна – чертям.

З о б у н о в а. Ну, что это какие страхи ты говоришь! Про меня только глупые рассказывают, будто я с нечистой силой знаюсь.

Б у л ы ч о в. Ну, тогда у тебя, тётка, толка не будет! Попы богу за меня

Егор Булычов и другие. Максим Горький gorkiymaxim.ru
молились, бог – отказался, не помогает мне!

З о б у н о в а. Это ты шутишь, дорогой человек, это ты потому, что не веришь мне.

Б у л ы ч о в. Я бы поверил, если бы ты от чертей пришла. Ты ведь, конечно, знаешь, слышала; я распутный, с людьми – жестокий, до денег жадный...

З о б у н о в а. Слышала, да не верю, что ты пожалеешь дать мне добрую денежку.

Б у л ы ч о в. Я, тётка, великий грешник, и богу дела нет до меня. Отрёкся бог от Егора Булычова. Так что, если ты с чертями не знакома, иди, выкидыши девкам делать! Это – твоё ремесло, так?

З о б у н о в а. Ой, верная слава про тебя, что ты – напористый, озорной человек!

Б у л ы ч о в. Ну? Чего соврать хочешь? Валяй!

З о б у н о в а. Врать не обучена. Ты скажи-ко мне: что у тебя болит, как болит, где?

Б у л ы ч о в. Живот. Сильно болит. Вот здесь.

З о б у н о в а. Видишь ли... только ты не говори никому, ни-ни!

Б у л ы ч о в. Не скажу. Не бойся.

З о б у н о в а. Есть недуги – жёлтые и есть – чёрные. Жёлтый недуг его и доктор может вылечить, а – чёрный – ни поп, ни монах не замолят! Чёрный – это уже от нечистой силы, и против него – одно средство...

Б у л ы ч о в. Сразу: пан или пропал? Так?

З о б у н о в а. Средство это – дорогое!

Б у л ы ч о в. Конечно! Понимаю.

З о б у н о в а. Тут действительно с нечистой силой надобно дело иметь.

Б у л ы ч о в. С самим сатаной?

З о б у н о в а. Ну, не прямо с ним, а всё-таки...

Б у л ы ч о в. Можешь?

З о б у н о в а. Только ты – никому ни словечка...

Б у л ы ч о в. Иди к чертям, тётка!

З о б у н о в а. Погоди-ко...

Б у л ы ч о в. Иди прочь, а то ушибу...

З о б у н о в а. Ты послушай-ко...

Г л а ф и р а (из прихожей). Тебе сказано – уходи!

З о б у н о в а. Что это вы какие...

Б у л ы ч о в. Гони её, гони!

Г л а ф и р а. Туда же, ведьмой притворяешься!

З о б у н о в а. Ты сама – ведьма! Ишь рожа-то... Эх вы... Ни сна вам, ни покоя!

(Ушли.)

Егор Булычов и другие. Максим Горький gorikiu@mail.ru
Б у л ы ч о в (оглядывается, вздыхает). Ф-фу...

(Входят Мелания, Ксения.)

М е л а н и я. Не понравилась Зобунова, не угодила?

(Булычов молчит, глядя на неё.)

К с е н и я. Она – тоже нравная. Захвалена, зазналась.

Б у л ы ч о в. Малаша, – как думаешь: у бога живот болит?

М е л а н и я. А ты – не дури...

Б у л ы ч о в. У Христа, наверное, болел. Христос рыбой питался...

М е л а н и я. Перестань, Егор. Что ты меня дразнишь?

Г л а ф и р а. Она денег просит за беспокойство.

Б у л ы ч о в. Дай, Аксинья! Ты, Малаша, извини, я – устал, пойду к себе. С дураками – хуже всего устаёшь. Ну-ко, Глаха, помоги...

(Глафира уводит его. Возвратилась Ксения, вопросительно смотрит на сестру.)

М е л а н и я. Притворяется он сумасшедшим. Притворяется...

К с е н и я. Ой ли? Где уж ему...

М е л а н и я. Это – ничего! Пусть играет. Это против него же обернётся, если духовное-то завещание судом оспаривать надо будет. Таисья будет свидетельницей, Зобунова, отец Павлин, трубач этот, да мало ли? Докажем, что завещатель не в своём уме был...

К с е н и я. Ох, уж не знаю, как тут быть...

М е л а н и я. Вот я тебя и учу! Эх ты... Выскочила замуж! Я тебе говорила – выходи за Башкина.

К с е н и я. Ну... Когда это было! А он-то какой был орёл... Ты сама завидовала.

М е л а н и я. Я? Ты что? Очумела?

К с е н и я. Ну, что уж вспоминать...

М е л а н и я. Господи, помилуй! Завидовала! Я?

К с е н и я. Как – Прокофья-то? Может – не надо?

М е л а н и я. Почему это – не надо? Призвали, уговорились и – вдруг не надо! Ты – не мешай мне! Иди приготовь его да приведи. Таисья!

(Таисья выходит из прихожей.)

М е л а н и я. Ну, что?

Т а и с ь я. Ничего не узнала я.

(Ксения ушла.)

М е л а н и я. Почему?

Т а и с ь я. Не говорит она ничего.

М е л а н и я. Как это – не говорит? Ты должна была выпросить.

Т а и с ь я. Выспрашивала я, а она – фыркает, будто – кошка. Ругает всех.

Егор Булычов и другие. Максим Горький gorikiyamaxim.ru
М е л а н и я. Как ругает?

Т а и с ь я. Жуликами.

М е л а н и я. За что же она?

Т а и с ь я. С ума, говорит, хотите свести человека...

М е л а н и я. Это она тебе сказала?

Т а и с ь я. Нет, Пропотею, блаженному.

М е л а н и я. А он – что?

Т а и с ь я. Он всё прибаутки говорит...

М е л а н и я. Прибаутки?.. Ах ты... лапоть! Он – блаженный, прорицает, дура!
Сядь в прихожей, не уходи никуда... В кухне был ещё кто-нибудь?

Т а и с ь я. Мокей...

М е л а н и я. Ну, ступай. (Подходит к дверям комнаты Булычова, стучит.) Егорий,
блаженный пришёл.

(Идёт, сопровождаемый Ксенией и Башкиным, Пропотей, в лаптях, в длинной, до щиколоток, холщовой рубахе, со множеством медных крестов и образков на груди. Страховиден: густые, встрёпанные волосы, длинная, узкая, редкая борода, движения резки и судорожны.)

П р о п о т е й. Ух, накурено! Душа задыхается...

К с е н и я. Тут, батюшка, никто не курит.

(Пропотей гудит, подражая зимнему ветру.)

М е л а н и я. Ты – погоди, дай выйти...

Б у л ы ч о в (его ведёт под руку Глафира). Ишь ты, какой... явился!

П р о п о т е й. Не бойся. Не страшись. (Гудит.) Всё тлёт, всё пройдёт! Жил Гриша, лез выше, стукнулся в потолок, – чёрт его и уволок.

Б у л ы ч о в. Это – про Распутина, что ли?

П р о п о т е й. Вот – низвергнут царь, и погибает царство, иде же царствует грех, смерть и смрад! Гудит метелица, гудит распутица. (Гудит. Указывая посохом на Глафиру.) Дьявол во образе женском рядом с тобой отгони.

Б у л ы ч о в. Я те отгоню! Болтай, да знай меру. Маланья, это ты, что ли, обучила его?

М е л а н и я. Что выдумываешь? Разве безумного можно научить?

Б у л ы ч о в. Похоже, что можно...

(С лестницы бежит Шура, за нею Антонина, Тятин. Постепенно сверху спускаются Звонцовы, Достигаевы. Пропотей молча чертит палкой в воздухе и на полу. Стоит задумчиво, опустив голову.)

Ш у р а (подбегая к отцу). Это что ещё? Что за представление?

М е л а н и я. А ты – молчи!

П р о п о т е й (как бы с трудом). Не спит еретик, а часики – тик да тик!.. кабы – бог... да – кабы мог... да я – не плох, да, да! А – чья беда? Играй, сатана, тебе – воля дана! Стукнула полночь... спел петух ку-ка-ре-ку... тут – конец еретику...

Егор Булычов и другие. Максим Горький gorkiytext.ru
Б у л ы ч о в. Складно тебя научили...

М е л а н и я. Не мешай, Егор, не мешай!..

П р о п о т е й. Что делать будем?.. Что скажем людям?

А н т о н и н а (с сожалением). Он – не страшный... Нет!

П р о п о т е й. Убили гниду – поют панихиду. А может, плясать надо? Ну-ко, спляшем и нашим и вашим! (Притоптывает, напевая, сначала – негромко, затем всё более сильно, и – пляшет.) Астарот, Сабатан, Аскафат, Идумей, Неумней. Не умей, карра тили – бом, бом, бейся в стену лбом, лбом! Эх, юхала, юхала, ты чего нанюхала? Дыб-дыб, дым, дым! Сатана играет им! Згин-гин-гин, он на свете один, его ведьма Закатама в свои ляжки закатала! От греха, от блуда не денешься никуда! Вот он, Егорий, родился на горе...

Ш у р а (кричит). Прогоните его!

Б у л ы ч о в. Вы что... чёрт вас... испугать меня хотите?

З в о н ц о в. Надо прекратить это безобразие...

(Глафира подбегает к Пропотею, он, не переставая кружиться, замахнулся на неё палкой.)

П р о п о т е й. Их, эх, ох, ах! ух-чух, злой дух...

(Тятин вырвал палку из руки Пропотея.)

М е л а н и я. Да ты – что? Да ты – кто?

Ш у р а. Отец, прогони всех... Что ты молчишь?

Б у л ы ч о в (машет руками). Погоди... погоди...

(Пропотей сел на пол, гудит, взвизгивает.)

М е л а н и я. Его – нельзя трогать! Он – в наитии... в восторге!

Д о с т и г а е в. За такие восторги, мать Меланья, по шее бьют.

З в о н ц о в. Вставай и уходи... живо!

П р о п о т е й. А – куда? (Гудит.)

(Ксения плачет.)

Е л и з а в е т а. Как это он ловко... в два голоса!

Б у л ы ч о в. Идите... прочь, все! Нагляделись...

Ш у р а (топая на блаженного). Уходи, урод! Стёпа – выгоните его!

Т я т и н (берёт Пропотея за шиворот). Идём, святой... вставай!

Т а и с ь я. Он сегодня не больно страшно... он гораздо страшнее умеет это делать. Кабы ему вина дали...

М е л а н и я. Ты – что болтаешь? (Бьёт её по щеке.)

З в о н ц о в. Как вам не стыдно?

М е л а н и я. Кого? Тебя стыдно?

В а р в а р а. Успокойся, тётя...

К с е н и я. Господи... Ну, что же это?

Егор Булычов и другие. Максим Горький gorikiu@mail.ru
(Шура и Глафира укладывают Булычова на диван, Достигаев внимательно рассматривает его. Звонцовы уводят Ксению с Меланией.)

Д о с т и г а е в (жене). Едем домой, Лиза, домой! Булычов – нехорош! Весьма... И демонстрация идёт... Надобно примкнуть.

Е л и з а в е т а. Как это он гудел, а? Ничего подобного не воображала...

Б у л ы ч о в (Шуре). Всё это – игуменья придумала...

Ш у р а. Тебе нехорошо?

Б у л ы ч о в. Она... Вроде панихиды... по живому...

Ш у р а. Скажи – нехорошо тебе? Послать за доктором?

Б у л ы ч о в. Не надо. А насчёт царства паяц этот от себя махнул... Кабы – бог да кабы мог, – слышала? Не может!

Ш у р а. Всё это надобно забыть...

Б у л ы ч о в. Забудем! Ты взгляни – как, что они там... Глафиру не обидели бы... Чего на улице поют?

Ш у р а. Ты не вставай!

Б у л ы ч о в. И погибнет царство, где смрад. Ничего не вижу... (Встал, держась за стол, протирает глаза.) Царствие твое... Какое царствие? Звери! Царствие... Отче наш... Нет... плохо! Какой ты мне отец, если на смерть осудил? За что? Все умирают? Зачем? Ну, пускай – все! А я – зачем? (Покачнулся.) Ну? Что, Егор? (Хрипло кричит.) Шура... Глаха – доктора! Эй... кто-нибудь, черти! Егор... Булычов... Егор!..

(Шура, Глафира, Тятин, Таисья, – Булычов почти падает навстречу им. За окнами – густо поют. Глафира, Тятин поддерживают Булычова. Шура – бежит к окну, открывает его, врывается пение.)

Б у л ы ч о в. Чего это? Панихида... опять отпевают! Шура! Кто это?

Ш у р а. Иди сюда, иди... смотри!

Б у л ы ч о в. Эх, Шура...

Занавес

1931 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

Впервые напечатано отдельной книгой в издании "книга", 1932. В 1933 году пьеса была вновь отредактирована М. Горьким и опубликована в альманахе "Год шестнадцатый. Альманах первый", М. 1933.

В начале тридцатых годов М. Горький задумал написать драматический цикл, который должен был отобразить большой исторический период – от кануна Великой Октябрьской социалистической революции до событий современности. Началом этого цикла явилась пьеса "Егор Булычов и другие", продолжением пьеса "Достигаев и другие".

В Архиве А. М. Горького сохранились заметки и наброски писателя, свидетельствующие о том, что в последние годы своей жизни он работал над продолжением этого цикла.

Первые сведения о работе М. Горького над пьесой "Егор Булычов и другие" (первоначальное название "Накануне") относятся к началу 1931 года. Некоторое время М. Горький работал одновременно над этой пьесой и пьесой "Сомов и другие", начатой им ранее. Летом 1931 года писатель закончил первую редакцию пьесы "Егор Булычов и другие". Тогда же пьеса была передана автором в Государственный театр им. Евг. Вахтангова, директор которого – в письме, датированном 10 июля 1931

Егор Булычов и другие. Максим Горький gorkiymaxim.ru года, – известил М.Горького о принятии пьесы к постановке (Архив А.М.Горького). По просьбе театра М.Горький внёс в пьесу некоторые дополнения, в частности – во втором действии ввёл сцену с Лаптевым. В связи с введением этой сцены в тексте пьесы оказалось несоответствие, не замеченное автором: в этом же действии идёт речь о том, что Лаптев ночью арестован.

Пьеса "Егор Булычов и другие" была также передана для постановки Ленинградскому Большому драматическому театру. Премьера пьесы в обоих театрах состоялась 25 сентября 1932 года. В 1934 году эта пьеса была поставлена Московским Художественным театром. В Архиве А.М.Горького сохранились наброски двух вариантов первого действия незаконченной пьесы, относящиеся к двадцатым годам, под названием ["Евграф Букеев"] и ["Христофор Букеев"] (опубликованы в "Архиве А.М.Горького, т. II, Пьесы и сценарии", Гослитиздат, М. 1941). Образ главного героя задуманной пьесы близок образу Егора Булычова.

Большой интерес представляет письмо М.Горького К.А.Федину о "Егоре Булычове..." от 21 декабря 1932 года.

В Архиве сохранилась выправленная М.Горьким стенограмма его замечаний, сделанных 19 сентября 1932 года, после просмотра генеральной репетиции пьесы "Егор Булычов и другие" в театре им. Евг.Вахтангова.

Ряд писателей и деятелей искусства – А.Н.Толстой, К.С.Станиславский, В.И.Немирович-Данченко, А.П.Чапыйгин, Л.Н.Сейфуллина, С.Н.Сергеев-Ценский и другие – откликнулись на появление пьесы письмами к её автору. В письме М.Горькому, датированном 22 декабря 1932 года, В.И.Немирович-Данченко писал:

"...давно не читал пьесы такой пленительной. Право, точно Вам только что стукнуло 32 года! До того свежи краски. Молодо, ярко, сочно, жизненно, просто, – фигуры как из бронзы... И при всём том, – это уже от 60-летнего возраста и это уже на пятнадцатом году: – мудро, мудро, мудро! Бесстрашно, широкодушно. Такая пьеса, такое мужественное отношение к прошлому, такая смелость правды – говорят о победе, окончательной и полнейшей победе революции больше, чем сотни плакатов и демонстраций. И опять: молодо, свежо и – пленительно..."

Все образы до единого замечательно ярки...

"Сцены"? Нет! Сценами привыкли называть нечто, что – не пьеса. Это цельное драматическое произведение, – но больше пьесы. Это надо назвать как-то иначе" (Архив А.М.Горького).

В феврале 1933 года А.Н.Толстой писал А.М.Горькому:

"На днях видел у вахтанговцев "Булычова". Вы никогда не поднимались до такой простоты искусства. Именно таким должно быть искусство, – о самом важном, словами, идущими из мозга, – прямо и просто – без условности форм. Спектакль производит огромное и высокое впечатление. Изумительно, что, пройдя такой путь, Вы подошли к такому свежему и молодому искусству..." (Архив А.М.Горького.).

При жизни автора пьеса "Егор Булычов и другие" в собрания сочинений не включалась.

Печатается по тексту альманаха "Год шестнадцатый", сверенному с рукописью и авторскими корректурами (Архив А.М.Горького).

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://gorkiymaxim.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!